

П 29
34
ПИОНЕР
24
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
ПИОНЕР

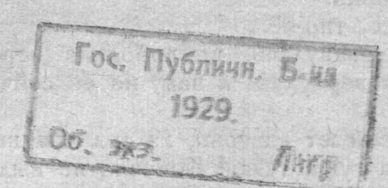
СОДЕРЖАНИЕ

журнала „ПИОНЕР“ за 1928 год

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

Декабрь 1928

№ 24

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

Рассказ Г. ЗАМЧАЛОВА
Рис. худ. А. ЛАПТЕВА

На этот раз я себе три удочки сделал. Федька с одной пришел, Серега с двумя, а у меня целых три. Федьке завидно стало:

— Откуда у тебя столько?

Я говорю:

— Мне дядя Петька целый хвост отдал, вот я и навил лесок. А крючки у меня были.

А мне дядя Петька никакого хвоста и не давал вовсе. Мы как-то поехали с лошадьми в ночное. Я утром встал, когда все мальчишки спали еще, и надерал у лошадей. Немножко у дядиной, понемножку у других—вышел большой пучок, мне на пять лесок хватило.

Вышли мы рано. У нас в Медведице вода холодная. Рыба за ночь намерзнется в ней, а утром, чуть солнышко станет всходить, она вся наверх, греться. Вот тут ее и ловить надо: дуром клюет, только закидывать поспевай. Должно быть от тепла она глупей делается.

Федька дорогой подлаживаться ко мне стал:

— Гришка, у тебя ведро маленькое. Хочешь, лови и в свое, и в мое.

— А ты куда?

— Я себе снизку сделаю. У меня и веревочка есть. Все равно ведь у меня только одна удочка. Чего я с ней наловлю?

— Погоди еще, может и класть нечего будет. С порожними может вернемся.

— А если хорошо будет клевать, тогда возьмешь?

— Ну, ладно, возьму.

— Вот. А мне за это рыбки дашь?

В лесу было еще совсем темно. Мы хоть и привыкли ходить так, а все-таки в темноте-то боялись немножко. А тут еще Серега со страху, что ли, про разбойников начал рассказывать. Про какого-то гайдамака Кармелюка, будто он бедным денег давал и помогал им, а с богатых шкуру живьем сдирал.

Рассказывал, рассказывал и вдруг остановился. Мы тоже стали.

— Что такое?

— Тише, вы! Тут шевелится кто-то.

Мы прислушались—правда, что-то шевельнулось. Потом прыгнуло и побежало по лесу.

Мне стало холодно, аж зубы застучали друг о дружку. Серега бросил про своего гайдамака рассказывать. Федька взял меня за руку, и мы пошли совсем тихо, даже шагов своих не слышим. Идем рядышком, плечо к плечу и как-будто если кто скажет хоть одно слово, то сейчас нам всем капут.

Сбоку от нас посветлело, мы свернули туда. Думали, это уж Медведица, а это оказалась полянка. Федька, как только вышел на нее, уселся с краю, под деревом, крякнул и сказал, как большой:

— Эх, теперь бы табачку закурить!

Мы накинулись на него:

— Тоже еще, курить!

— Сперва научись, а потом болтай.

— Сам от земли не отрос, а сам...

Как только мы заговорили, так и страх весь прошел. Я хотел даже песню заиграть про Ланц ва.

Но тут на полянке кто-то заржал. Лошадь какая-то. Тихонько так, вроде хозяина своего узнала. Мы оглянулись—никакой лошади не видно. Немного погодя, опять заржала, и опять оттуда с полянки. Слышно, что вот тут где-то, близко, а где—не видно.

Федька поднялся и зашептал:

— А может это нас леший, а?

Серега его насмех поднял:

— Эх, ты! Скажешь тоже. А еще курить собирался. Сам-то ты леший.

Я сказал, чтобы они меня подождали, и побежал посмотреть. Пробежал шагов пять и увяз по колена. Да еще упал и руками тоже завяз. Насилу-насилу

выкарабкался. Вылез весь грязный, в тине. Серега с Федькой смеяться начали, а Федька признался:

— А я знал, что тут трясина. Я нарочно не сказал.

У меня на руке был комок грязи. Я размахнулся и этой грязью как шлепну в него.

— Шиш ты у меня получишь теперь рыбки!

— Уж и посмеяться нельзя.

— А кабы я утоп, тогда что?

Тут опять заржала лошадь. Серега вскочил на ноги.

— Вон она! Смотрите, утопла! Почти всю засосало.

На другой стороне, недалеко от берега, и правда была лошадь. Не знаю, как мы раньше ее не заметили—ведь уж совсем почти рассветало. Весь зад ее, до холки, увяз, наверху была только шея, голова и передние ноги до колен.

Мы кинулись на ту сторону. Лошадь, когда мы подбежали, повернула к нам голову. Вся шея, морда и даже уши у нее были выпачканы грязью. Грива тоже была окунута, только у самой шеи, откуда растут волосы, шла светлая полоска.

— Наверно пить хотела, вот и залезла,—сказал Федька.

Мы хоть и привыкли ходить так, а все-таки в темноте-то боялись. А тут Сережка про разбойников начал рассказывать...

— Ну да, пить.

Я стал насвистывать, как когда лошадей поят, потом поманил:

— Тпр-сё, тпр-сё...

Лошадь рванулась, высвободила передние ноги, даже вся повернулась к нам, но ее сейчас же назад втянуло.

— Не вылезет наверно, из сил она выбилась.

— Когда гуща такая! Конечно не вылезет.

Лошадь отдохнула немножко и опять заметалась. Под ней что-то хлюпало, как в квашне. Я увидал, что у ней прыгает губа, а глаза выворочены на нас—чего же вы, мол, стоите, не помогаете?

— Да что же мы! Ведь сдыхает она...

Я бросил свои удочки, банку с червями и ведро. Ребята тоже побросали. Федька засучил рукава и спрашивает:

— Ну, чего делать, сказывайте?

А мы с Серегой и сами не знаем. Самим лезть в трясину—все равно не поможешь. А больше у нас ничего нет.

— Надо в село бежать, мужиков звать.

— Не успеешь, задохнется она.

— Эх ты, топора нет! Нарубить бы сучков побольше и побросать ей, вот бы ей и упор был.

— Давайте хоть сухих насобираем, может вылезет как-нибудь!

Федька для начала хотел оборвать со всех удочек лески, а удилища пока бросить к лошади. Мы не дали ему: какая от них польза, когда они, как соломины, тоненькие?

Пошли собирать валежник. Но его было мало, да все гнилой, трухлявый. Лошадь подмяла его под себя и как-будто еще глубже потонула.

Я залез на дерево, сломал штук пять тоненьких сучков и прямо с листьями бросил ей. Она даже не поглядела на них—видно совсем замучилась.

— Глядите, глаза закрыла!—крикнул Серега.

— Сдыхает должно быть.

— Что же теперь, а?

Тут кто-то вспомнил:

— Лесника надо позвать, он близко.

Я сломя голову бросился к леснику. Он жил за большой дорогой, недалеко от сломанной осины. Бежать надо было все время лесом. Я не смотрел, что босиком, и летел напрямик изо всех сил. Один раз меня так полоснуло по лицу веткой, что я думал глаза вырвало. В другом месте наскочил на пенек и расшиб палец на ноге.

Возле большой дороги у меня загорелось сердце, и я остановился передохнуть. Остановился, слышу идет кто-то. Выбежал на дорогу—поп. Я подбежал к нему и слова не могу выговорить: запыхался очень и за лошадь страшно, что сдохнет.

— Дяденька... поп... батюшка...

— Что, милый? Да ты не волнуйся. Что ты, господь с тобой!

— Нет, лошадь... Завязла она, сдыхает...

— Какая лошадь? Где? Да говори ты толком, ну! Я вот тоже ищу свою. Спутал недалеко вот тут, а теперь никак не найду.

— Вон там, у Медведицы.

— У Медведицы? Нет, это не моя наверно. Моя не зайдет туда, далеко очень.

— А может распуталась.

— Разве что распуталась. Ну-ка, пойдем скорей.

Я побежал назад. Он подхватил руками этот свой, как уж его,—архипиль, что ли, называется—как сарафан бабий, и пошел за мной.

Прошли немного, он спрашивает:

— Какой она масти, лошадь-то?

— Темная. Должно быть карям.

— Как—карям? Моя буланая...

И остановился. Я тороплю его—скорее, а то задохнется, а он стоит и расспрашивает:

— Ты хоть гриву-то разглядел как следует?

— Разглядел.

— Ну, какая она?

— Черная, а возле шеи белая немножко.

— Нет, это не моя. Слушай, ты вот что: сбегай лучше в село и скажи мужикам. Они живо вытащат. А я пойду свою искать.

Я схватил его за полу архипиля и не пускаю:

— Батюшка, не надо, не уходи. Ведь она сдохнет, пока в село сбегаешь.

— Не сдохнет. Бог не допустит, чтобы она сдохла.

— Да-а, не допустит. Ее уж и так по горло втянуло. А про бога я знаю: его и нет вовсе там, нам Петр Антонович говорил.

Он затряс своими космами и вырвал у меня архипиль.

— Ах ты, паршив ц! Да разве можно так про бога? Да я тебя сейчас... Ты чей? Кто у тебя мать?

Я крикнул ему прямо в лицо:

— Пошел ты вон, косматый.

И опять изо всех сил побежал к леснику.

У него никакого двора не было. Прямо в лесу избушка и возле нее собака бегала. Здоровенная, серая, на волка похожа. Увидала меня—ощетинилась, бухнула раза два. Я не испугался ее и взбежал на крыльцо. Только хотел дверь открыть, она меня сзади лапами сгребла и стащила вниз. Я упал, она надо мной встала и рычит. А кусать не кусает.

Тут выбежала баба, должно быть лесникова хозяйка.

— Полкан, Полкан! Ах, окаянный, загрыз парнишку, начисто загрыз.

В руках у ней чугунок был. Она подбежала и чугунком этим собаку по спине. Потом помогла мне встать.

— Искусал? Погрыз? Что же ты, ай не видишь, какой он? Он не только человека, быка и то повалит.

— Да нет, не покусал он меня. Ты скорей дядю твоего зови, лесника.

— А его нет, он в село уехал. На что он тебе?

— Лошадь там утопла, вытаскивать надо.

— Какая лошадь-то, чья?

— Да не знаю я! Может ваша.

— Нет, на нашей сам уехал. Что же теперь делать? Надо в село бежать.

— Какое там село—она уже сдыхает. Сейчас надо, скорей. У вас топор есть?

— Есть.

— А веревка толстая?

— Веревки нет, есть вожжи старые.

— Давай скорей, я вам принесу потом.

— А ты не потеряешь? Сам-то мне...

— Не бойся, не потеряю. Да скорей ты, тетка, вот какая!

Она зашла в избу и пробыла там может и недолго, а мне показалось полдня целых. Вышла—я у нее выхватил из рук топор с веревкой, чуть с

— Вот, видала? Сейчас, брат, вылезешь. Смотри, как крепко.

ног ее не сшиб, и бежать. Собака кинулась было за мной, баба на нее прикрикнула, она и отстала.

Лошадь, когда я прибежал, была все на том же месте. Глубже ее правда не затянуло: должно быть уж до дна дошла, но и вперед она нисколько не подалась.

Серега с Федькой накидали кругом нее много валежнику, а она даже и не пробовала вылезать. Положила голову на кучу сухих прутьев и стоит, не шевелится. Я как увидал ее такой, у меня и руки опустились.

— Что, сдохла?

— Нет, видишь—глазами моргает.

— Силы у нее нет нисколько.

Недалеко от поляны липа стояла. Листья у нее большущие были, как заслонки. У нас ими в поле воду в ведре покрывают. Если нарубить больших сучков с такими листьями, то по ним хоть на чистой воде можно ходить, все равно выдержат. И еще мягкая она очень липа. Рубить ее ничего не стоит.

Мы с Серегой забрались на нее, Федька нам подал топор, и мы взялись за дело. Я порублю немножко, устану,—Серега начнет. Федька снизу кричит нам:

— Довольно уж, хватит!

А мы, знай свое, рубим. Нарубили целую кучу и слезать стали.

В это время в лесу кто-то засвистал, потом закричал:

— Маш-маш-маш! Машка, Машка!

Лошадь подняла голову, навострила уши и опять, как давеча, когда увидала нас, заржала. Федька побежал на крик: догадался, что это хозяин наверно. Серега спрыгнул и побежал за ним, а я остался на дереве ждать, что будет.

Немного погодя, забубнили голоса. Я узнал Федькин и Серегин. Они говорили оба вместе, перебивали друг дружку. Им отвечал мужичий, тоже будто знакомый, а чей—не поймешь. Слышно было, что ребята ему что-то доказывают, а он не соглашается.

Потом сразу, как-будто отворили дверь, стало слышно все, что говорят.

— Некогда мне, детки,—упирался мужичий голос.— На мельницу я собрался. И так все утро у меня пропало.

Ребята наскакивали на него:

— Да ты посмотри сперва, может это еще твоя.

— А хоть и не твоя, так все равно помоги.

— Ну какой я помощник! Больной я, детки, спина у меня не годится. Мне тяжелого то вовсе ничего нельзя делать.

Они вышли из-за дерева и очутились почти подо мной. Я посмотрел вниз. Вижу: с одной стороны Федька идет, с другой Серега, а посредине рыжая шляпа. Из-под нее торчит кусок бороды, ниже поповский архипиль болтается.

Когда они прошли, я слез с дерева. Поп вышел на поляну и посмотрел на лошадь.

— Ну конечно не моя. Моя буланая, а эта и не разберешь какой масти. Я же говорил, что не моя.

Лошадь смотрела на него во все глаза и будто ждала чего-то. Грязные уши ее стояли торчком. Только он успел сказать, что это не его лошадь, она в ответ ему тихонько заржала—так, как вот ржут лошади, когда им овса дают.

И тут все—и я, и ребята, и сам поп—поняли, что это его кобыла. Поп аж подпрыгнул на месте.

— Господи, да что же это такое?! Она, ей-богу, она... Машенька, Маша!

Кобыла мотнула головой и дернулась к нему. Он зачем-то побежал к самому краю трясины, наступил на свой архипиль и упал. Когда он встал, на бороде его шматками висела зеленая грязь. Руки тоже были грязные. Шляпа с него слетела, а он ее не поднимал. Только бегал по берегу и причитал:

— Пропала, пропала. Что буду делать без лошади? Господи, господи...

Потом подбежал к нам и начал просить:

— Деточки, ребятушки, уж вы помогите, милые. Может спасем как-нибудь. Я уж вам на орешки...

Я нарочно сказал:

— Что, не хотел итти, когда звали? Теперь вот сам вытаскивай.

Он чуть не заплакал.

— Родной мой, прости ты меня, дурака старого. Кабы не дурак, разве бы я не пошел? Уж вы не серчайте, а то как же я один-то? Пропадет ведь она.

Я хотел ему сказать:

— А бог-то? Ты говорил, он не допустит?

Да уж не стал. Лошадь тут заметалась, и мне жалко ее стало. Поп бросился к ней и стал увещать.

— Машенька, сейчас, родная, постой минуточку, сейчас мы тебе поможем.

Мы с Серегой выбрали самые толстые и длинные сучки, сложили их в ряд и кое-как наскоро переплели ветками. Получилось вроде мостика. Снизу мы до самой лошади густо накидали веток с листьями, на них поперек наклали сучков потолще, а сверху положили этот мостик. Вышло—лучше не надо: троих нас выдержало. Мы даже подпрыгивали, и то ничего.

Только вот беда—мостик оказался короткий. Надо было еще столько, а у нас толстые сучки кончились.

А тут поп еще. Мы думали он помогать будет, а он только мешал. Лезет все время, хватается руками, путает и все упрашивает:

— Постарайтесь, ребятушки, потуже связывайте, тяжелая ведь она. Я уж вам по рублю всем, по целковому выдам.

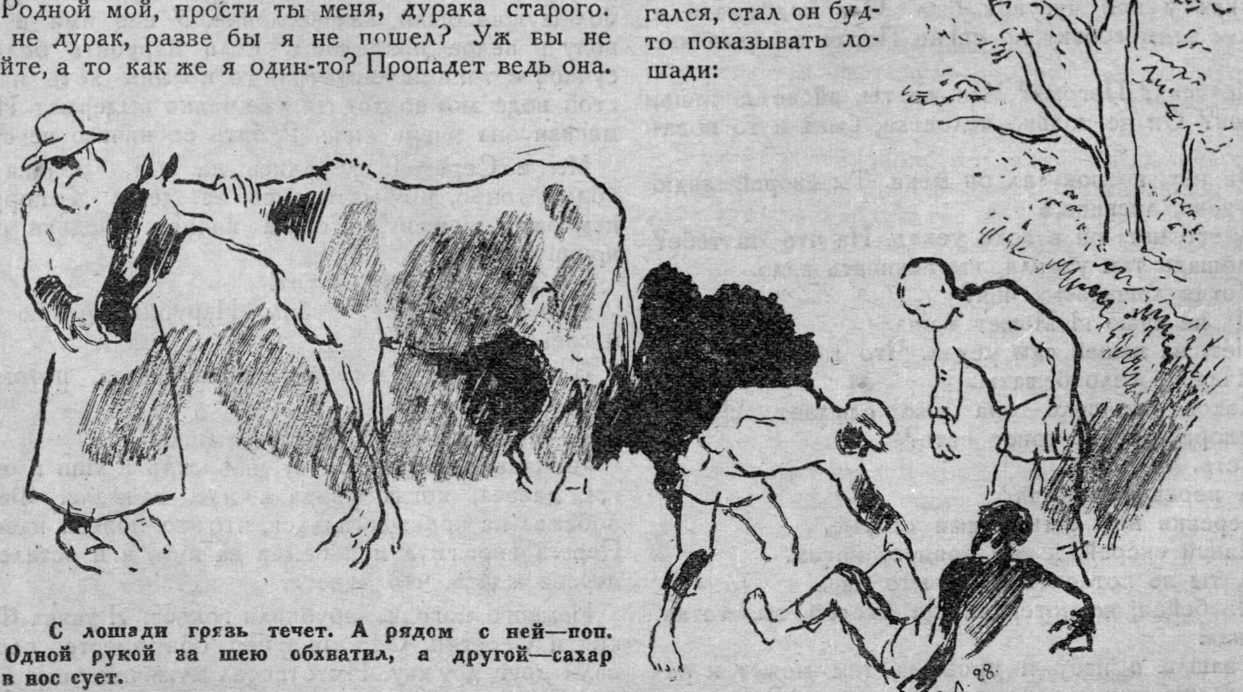
Мостик положили, он первый на него забрался и опять запричитал над лошадью. Серега не вытерпел и шуганул его:

— Уйди ты отсюда. Чего под ногами треплешься? Стань вон там со спиной своей и стой. Вытащим—тогда будешь разговаривать.

Он отошел к сторонке и больше не мешал нам. Я слазил на дерево, нарубил еще толстых сучков, и мы сделали другой мостик, еще лучше. И никаких веревок не понадобилось, зря только я вожжи тащил. Второго мостика хватило как раз до лошади. Когда мы клали его, чуть за морду ей не задели. Серега так обрадовался, что подбежал к ней, погладил ее по храпу и тоже, как поп, стал разговаривать:

— Вот, видала? Сейчас, брат, вылезешь. Смотри, как крепко.

И запрыгал на краю. Мостик покачнулся, и он чуть сам не свалился в грязь. Только уж так, для виду, что, мол, не испугался, стал он будто показывать лошади:

С лошади грязь течет. А рядом с ней—поп. Одной рукой за шею обхватил, а другой—сахар в нос сует.

— Ноги подымешь и вот сюда их, понятно? Потом задние так же.

Когда все было готово, мы пустили на мостки одного попа. Он достал из кармана кусок сахару и стал манить кобылу:

— Маша, Маша, на. Сахарку вот на, Машенька, на!

Лошадь только ушами повела, а сама даже не пошевелилась. Он ее и так, и этак, и насвистывал ей, и кричал на нее—никак не идет. А подойти ближе, надеть узду боится. Я взял у него и сам надел. Он ухватился за самый кончик повода и начал тянуть.

— Иди, родная, иди. Холодно ведь тебе там. Не бойся, иди.

Федька на берегу вдруг покатился со смеху. Я спрашиваю:

— Ты чего?

— Наш тятька, когда напьется пьяный, то мамка при людях вот так же зовет его: „иди, родной, иди“. А домой придет—по щекам его.

Поп все показывал лошади кусок сахару и потягивал за кончик повода.

— Иди, дурочка, что же ты? То сама кидалась, а то не идешь.

Пришел Федька: полтинник принес.

Я подбежал и вырвал у него повод.

— Уйди-ка отсюда! Сейчас она у меня пойдет, и уговаривать не надо. Серега, Федька, заходите по берегу с боков. Когда я потяну, кричите сильней и кидайте в нее чем-нибудь.

Они взяли в руки по сучку и стали с боков. Я уперся ногами покрепче, дернул и заорал:

— Но, но ты, чорт!

Два сучка ударились возле самой кобылы, ребята тоже закричали. По лесу загрымыхало:

— И-чо-та-ва, гав-гав!

Лошадь испугалась и кинулась ко мне...

Но тут что-то случилось. Меня будто подкинуло снизу. Под носом у меня мелькнула грязная морда кобылы, и я очутился в холодной гуще. Дальше за меня все делали руки и ноги: сам я с перепугу ничего не соображал.

Руки уперлись во что-то твердое и гладкое, пошарили, ухватились за пучок травы или волос, а может и за корягу какую и перевернули меня. Ноги подтянулись к ним и обхватили толстое и круглое. Обхватили и с‘ехали: толстое было очень скользкое. Тогда руки перехватились подальше, за выступы небольшие, и подтянули меня выше. На этот раз круглое очутилось подо мной. Ноги крепко обхватили его и посадили меня как-будто верхом. Я открыл рот и стал дышать.

В рот мне заползла жижица. Я выплюнул ее, она опять ползет. Я хватился руками за лицо, за голову—кругом эта жижица проклятая. Спереди от меня Серегин голос закричал:

— Гришка, смотри, глаз не открывай, а то ослепнешь!

Я подождал немного, потом взял ладонями со всей головы и с лица обжал грязь и хотел уже открыть глаза. Вдруг толстое и круглое, что было подо мной, зашаталось и двинулось вперед. Я лег на него грудью и обхватил руками и ногами так крепко, что мне даже больно стало.

Оно поднялось вверх, совсем прямо, потом опустилось, опять поднялось, мотнуло меня в одну сторону, в другую и начало сильно бить об себя. Потом так швырнуло, что я отцепился от него и обо что-то ударился еще сильней, боком...

Когда я открыл глаза, надо мной стояли Серега с Федькой и травой вытирали с меня грязь. Федька увидал, что я глаза открыл, спрашивает:

— Ну что, Гришка?

— Ничего.

— А я думал, ты убился.

— Кобыла там еще, в трясине?

— А вон она, погляди-ка.

Я поднялся, смотрю—она на берегу стоит. Черная вся, и грязь с нее течет. Рядом с ней—поп. Одной рукой за шею ее обхватил, а другой сахар в нос сует.

Серега рассказал, как она вылезла:

— Ты на нее залез, когда она стала совсем тонуть, грязь уж под зебры ей дошла. Ну, а подыхать-то, думаешь, охота ей? Она и давай кидаться. Раза два оборвалась, ну потом все-таки вылезла по мосткам.

Мы собрали свои удочки, банки с червями и ведра.

— Теперь что будем делать?

— Что, удить пойдем?

— Поздно уже.

— Ничего, может успеем еще.

— Гришка, а как же ты пойдешь такой? Погляди, ты весь в грязище.

— Ну, что же, я вымоюсь там. А домой итти так все равно нельзя, мамка ругаться будет.

Федька вызвался отнести леснику топор и вожжи. Мы с Серегой захватили его удочку и пошли на Медведицу. Отошли немного, слышим—поп кричит:

— Постойте, постойте!

Серега говорит:

— Наверно заплатить хочет. Он ведь по рублю сулил, помнишь?

— Как же, заплатит он тебе, жди побольше.

Поп подбежал, космы растрепаны, на бороде все еще сосульки, глаза выпучены.

— Шляпа, где моя шляпа? Куда вы ее задевали?

Мы подхватили животы и давай хохотать.

— Что вы смеетесь? Я вас про шляпу спрашиваю.

Я сквозь смех насилу выговорил:

— В трясине она, утопла... Помолись богу, может спасет.

Вечером мы только сели ужинать, к нам в окно кто-то: стук-стук...

Мамка подошла спрашивает:

— Кто это?—молчат.—Кто там стучит?—опять молчат. Я выбежал на улицу—Федька.

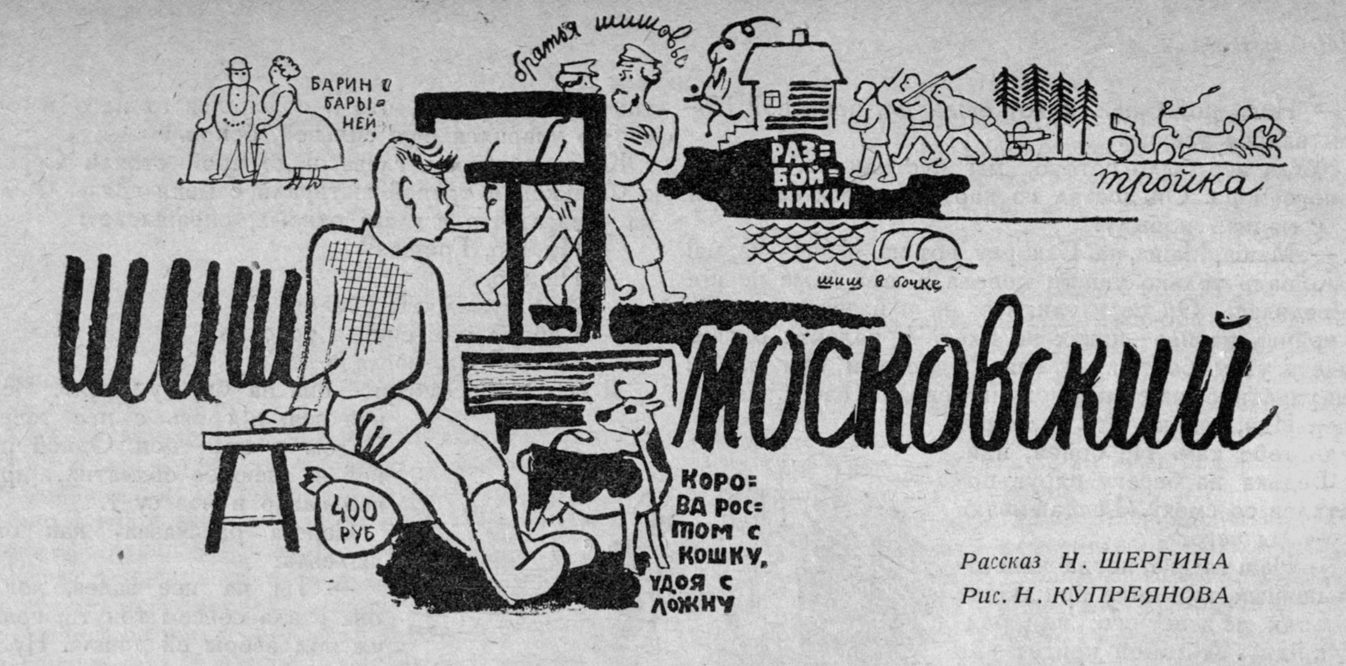
— Гришка, я тебе деньги принес, на вот.

— Какие деньги?

— Полтинник, поп дал.

— Врешь?

— Правда. Я пришел к нему, говорю: „Ты что же? Обещался по рублю, так давай!“ Он было вилять начал—денег нет, то да се. Я говорю: „Не хочешь, так мы к председателю пойдем пожалуемся. Думаешь, задаром тебе кобылу вытащили? Всю рыбу из-за тебя прозевали“. Он, как услыхал про председателя, сейчас же сходил в другую комнату и принес три полтинника: „Вот,—говорит,—больше у меня нет, ей-богу“. Я подумал-подумал, да и взял. Лучше хоть по полтиннику, чем совсем ничего, правда, Гришка?

ШИШ МОСКОВСКИЙ

Рассказ Н. ШЕРГИНА
Рис. Н. КУПРЕЯНОВА

ЗАЧАЛО К ШИШУ

Цынцы брынцы
балалайка.
Цынцы брынцы
заиграй-ка!
Тень, тень—потетень!
Ветер стонет целый день.
Туна-на туна-на!
Ходит по морю волна.
Птица синица
за море летела,
перо уронила.
Беру перо в руки,
пишу письмо от скуки.
Синичье перышко скрипит,
мое сердечушко кипит.
Начинается рассказ,
люди добрые, для вас.

РОДИЛОСЬ ЧАДУШКО СТАРШЕ БАБУШКИ

Дом был, стоял добрым порядком и на гладком месте, как на бороне. В дому отец жил с сыновьями.

Старших и врать не знай, как звали, а младшего все Шишом ругали. Он еще в зыбочке качался, а уж песнями утешался. Его мать в кружевное одеяльце завернет, шапочку с кисточкой наложит, в люди придет, станет дитем хвастаться, а он как грянет:

Меня маменька рожала,
Вся деревенька дрожала.
Вся Расеюшка орет:
— Какого плута бог дает!

Ему мать в рот соску... Куда там—давай папироску. Тоже и отец, вынесет сына гостям, гости обступят:

— Мальчик, скажи—тя-тя...

А мальчик с присвистом:

— Я не тятькин сын,
Я не мамкин сын.
Я на елке рос,
Меня ветер снес!

Только гармони парню нехватает, мало что грудной.

Время ведь, как птица—летит—его не остановишь. Вот Шиш и вырос. Братья—мужики степенные, а он весь—как саврас без узды.

Такой был Шиш: на лбу хохол рыжий, глаза как у кошки. Один глаз голубой, другой как смородина. Нос кверху.

Начнет говорить—как по дороге поедет. Слово скажет,—другое готово.

А ловок был—в рот заедет, да и поворотится.

„НАШ ПОСТРЕЛ ВЕЗДЕ ПОСПЕЛ"

Рано Шиш начал шуточки зашучивать. У них около деревни, в лесу, барин с барыней землю купили. Домок построили, садик развели. До людей жадные и скупые были, а между собой жили в любви и согласьи, всем на удивленье. Оба маленькие, толстые как пузыри. По вечерам денежки считали, а днем гуляли, сады свои караулили, чтобы прохожие веточки не сорвали или травки не истоптали. У деревенских ребят уши не заживали все лето. Старички походя дрались, а уж друг с другом одни нежности да любезности.

Шиш на них давно не милым оком смотрел:

— Ужо я вам улью щей на ложку!

И случай привелся. Забралась в лес старушонка из дальней деревни за грибами. Ползала, ширилась да и заблудилась. И заревела:

— О-о! Волки с'едят!

Шиш около шнырял.

— Бабушка, кто тебя?

— У-у, заблудилась!..

— Откуда ты?

— Из Горелова.

— Знаю, выведу тебя, только ты мне сослужи службу...

Шиш и привел ее к барской усадебке.

— Видишь в окне баринок сидит, спит за газетой?

— Ну, не слепая, вижу...

— Ты постучи в окно. Барин нос выставит, ты тяпни по плеши да скажи: „На! Барыне оставь".

— Как же это я благородного господина задену?! Они меня собаками затравят.

— Что ты! Они собак не держат, сами лают.

— Ну, что делать, не ночевать в лесу.

Побежала старуха к дому. Стукнула в раму.

— Барин! Отворьте окошко!

Толстяк высунулся, кряхтит:

— Кто там?

Старушонка плюнула в ладонь, размахнулась да как дернет его по плеши.

— На! Барыне оставь!

А сама от окна, и ходу задала.

Ну, ее Шиш на Русь вывел.

Этот баринок окошко захлопнул, скребет затылок, а барыня уж с перины ссыпалась:

— Тебе что дали?

— Как что дали...

— Я слышала, сказали—„на, барыне оставь".

— Ничего мне не дали!

— Как это ничего? Давай что получил.

— Плюху я получил.

— Плюшечку? Какую? Мяконькую?

— Вот какую!

И началась тут драка... Только перья летят.

Вот что Шиш натворил.

ДОХОД НЕ ЖИВЕТ БЕЗ ХЛОПОТ

Вот отец пристарел. Братья волю взяли. Дом на себя и скот на себя отобрали. Отцу говорят:

— При твоем худом здоровье первое дело свежий воздух. Ты теперь ночуй в сарае, а день гуляй по миру. Под одним окошечком выпросишь, под другим с'ешь.

А Шишу дали коровку ростом с кошку, удоя с ложку:

— Вот это тебе, братец, наделок. И вообще—люби нас, ходи мимо.

Отец сидит на крыльце, не смеет в избу зайти. У Шиша в сердце как нож повернулся. Он отца в охапку:

— Тятенька! Давай заодно жить. Есть—пополам, и нет—пополам. А братцам дорогим я отсмею насмешку, припасу потешку!.. Тятенька, ты меня дожидайся, а я пойду эту коровенку продавать.

Шиш лесом идет, а дело к вечеру. И гроза собралась. Близко громыхнуло. На ночь мокнуть неохота. Шиш и сунулся в боковую тропиночку, в дебрь, где бы лесину, ель погуще найти. Он в лесу не боится. Шагов сотню ступил—в ельнике дом стоит. Еле доколотился. Старуха открыла:

— О, куда ты, парень, попал! Уваливай, пока жив.

— Бабинька, пусти, где коровки хоть, перестоять грозу.

— Дитятко, уходи—разбоем хозяева-то живут.

А к воротам еще двое бегут. Шиш сразу узнал—два богатея из соседнего села. Кричат:

— Эй, бабка, где тут дождь переждать?

Что будешь делать? Старуха и спрятала всех в подполье.

— Только уж, чтобы ни кашлянуть, ни дохнуть, ни слова не сказать, как хозяева придут. Убьют и меня с вами.

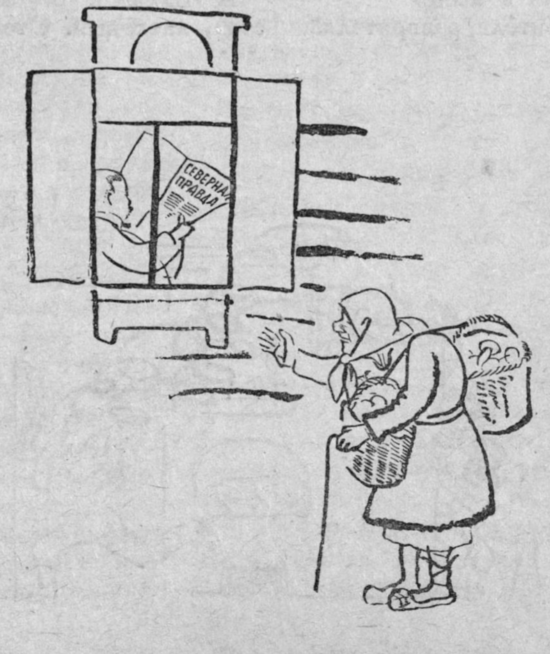
Под полом Шиш их спрашивает, будто не знает:

— Вы чьи? Куда?

Те не смотрят на него:

— Со всяким сбродом не разговариваем!

Тут над головами затопали, заходили... Разбойники приехали.

Там у них питье пошло, еда, напились пьяны, песню запели: „Не шуми, мати-дубравушка".

Тут Шиша как шилом подняло:

— Ах люблю! Даже до слез! Запою и я с ними!

Купцы его в охапку:

— С ума тебя скинуло, собаку!?

— Заткни глотку,—убьют!

— Ох, и не осудите меня! Я певец природный. Запою!

— Молодой человек! Не губите! Возьмите деньгами! По десятке дадим!

— А уж по сотне не дадите?

— Подавись сиротским! На!

Шиш деньги убрал в карман, сел в уголок, будто спит.

Не успели купцы кисеты завязать, наверху плясовую грянули—„барыню".

Ух барыня-раскаряка!..

Шиш к купцам:

— Рабы божьи! Теперь не вытерплю! Я на то родился, чтобы плясать. Ух!

Ходи, хата, ходи, хата!
Ходи, курица хохлата!..

Купцы у него на ногах повисли:

— Возьми что хошь, пожалей не нас, сироток наших! Благодетель, не погуби!

— Так уж, чтобы вам не обидно, еще по сотне с плеши...

Вот у Шиша и четыреста рублей, да все золотыми.

А наверху-то и учуяли, что под полом неладно. Дрогнули разбойники.

— О, согрешили, грешники! Бесы в доме завелись! Не будет боле удачи!

Старуха слышит, на ней каждый трепок трясется:

— Я, хозяева, бесов-то выживать туда человека запустила...

— Какой человек?

Шиш это услышал, он всех смелее, и лезет из подполья.

Разбойники к нему:

— Ну что?.. Благополучно ли? Всех ли бесов-то выжил?

Шиш и смекнул:

— Пятерых выжил, двое остались больших. Те там подпольем ушли, этих надо избой выпускать...

— Молодец, выведи эту напасть! Отблагодарим тебя.

— Не стоит благодарности. Давайте кудели да огонька. Сами зайдите за печь, чтобы, как полетят, вас не задело.

Сам Шиш спустился под пол.

— Ну, купцы, я с вас взял по два ста, а разбойники вас найдут и душу вынут. А за ваши деньги я вас отблагодарю.

Вот Шиш обоих купцов куделей замотал по одежде.

— Как я вас подожгу, вы и летите избой да на улицу.

Чиркнул спичкой. Вспыхнула куделя. Взвились купцы по лесенке да в избу, да в сени, да на улицу. А там после грозы лужа. Они в эту лужу. Даже одежда не затлела. Да скорее в лес, да домой.

А разбойники не скоро в себя пришли:

— О, молодой человек! И не видали мы на веку такого страху...

— О, коль страшно у бесов огненно-то видение! О, погубили мы свои душеньки, уготовали себе вечный огонь!..

Шишу некогда тут канителиться:

— Руку даю, что эти черти боле к вам не прилетят, не досадят.

— Тебя как благодарить-то?

— Да вот строиться собрался...

— Держи сотенную. За такую услугу сто рублей—плевое дело.

А коровку Шиш старухе ихней подарил.

Шиш домой пришел. Деньги на стол. Считать начал. Сбился, опять снова. Братья около, рот раскрыли, стоят...

— Шиш, откуда таково богатство?..

— А прихожу на рынок, а у меня коровенку из рук рвут. Пять сот за шкуренку дали.

Братья в хлев. От жадности трясутся. Коров колют и шкуры с них дерут. Запрягли пару коней да в город с кожами, Стояли-стояли в кожевенном ряду. Кто-то подошел:

— Почем шкура?

— Сто... нет... триста... пятьсот рублей!

Покупатель глаза выпучил да бегом от них.

Народ собрался, пальцами кажут:

— Глядите-ко, безумные приехали. За коровью шкуру сотни просят...

Вернулись братья домой да на Шиша с кулаками.

— Обманыва-а-ать!?

— Да что с вами? Что?

— Да ведь нас весь рынок дураками почтил!

— Да вы в каком ряду стояли?

— Как в каком? В кожевенном!

— А я в галантерейном.

Братья на другой день в галантерейном стояли. Публика ходит чистая. Барыни братьев ругают, городовые их гонят. Один кто-то спросил опять:

— Да почем шкура-то?

— А вот третьего дня за маленьку шкуренку пятьсот давали, дак уж у нас неужели дешевле.

Тут уж их в шею натолкали.

До самой заставы с присвистом гнали.

Кричат мальчишки:

— Самашеччих везут! Самашеччих везут!

Прикатили братья домой, кони в мыле:

— Подать сюда злодея, всегубителя, разорителя!..

Не успел Шиш увернуться. Бочка во дворе стояла. Шиша в нее заколотили, да с берега в реку и ухнули. Пронесло бочку с версту, да к берегу и прикачало.

Шиш и слышит, что по берегу кто-то с колокольчиком едет. Шиш и заревел:

— О-о-о! Ни читать, ни писать, ни слова сказать, а в начальники ставят!

А с колокольцем-то ехал становой с бедной деревни подати выколачивать. Он с тройки да под угор:

— Я знаю читать и писать и слово сказать! Я в начальники годен. Кто здесь?

— Я! В бочке сижу.

Становой дно выбил. Шиш вылез.

— В начальники силом ставят, а я бы другому уступил.

— Возьми отступного. Я в начальники горазд.

— А давай меняться. Вы в бочку залезете—в начальники вас направят на мою должность, а я ваших лошадок с кибиточкой себе.

— Согласен. Хлебна ли должность та?

— Обзолотиться можно.

— Заколачивай скорее. Жив-во!

Забил днище Шиш, да как пнет бочку ту. Ух, она в воду полетела, поплыла.

А Шиш домой на тройке подкатил. Братья под кровати лезут.

— У-у, утопленничек, не ешь нас!

— Что вы, дикие! Глядите-ко, мне там каких лошадок выдали!

— Где выдали-то?

— Куда меня спихнули, там.

Братья коней гладят. От зависти руки трясутся.

— Шишанушка! У нас вон бочка порожняя...

— Ну, порожняя—вижу.

— Мы бы в бочку ту... Да в речку ту... Не откажись. Тоже хоть по конику бы...

— Дак что ж. Можно. Неужели для братьев единоутробных пожалею.

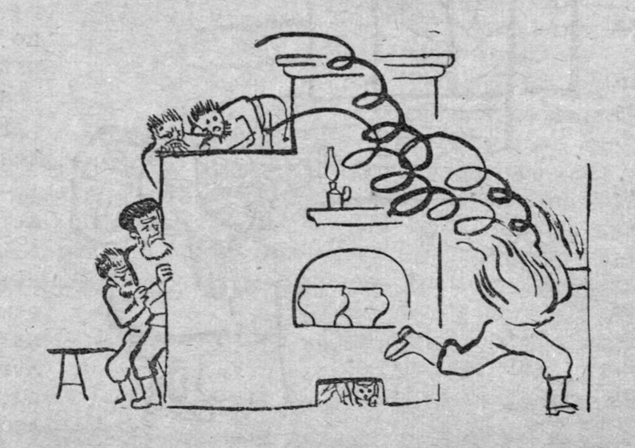
О, сколь тяжело было бочку ту катить. А те там сидят торопят:

— Кати круче! Всех хороших-то упустим.

Опять с горы как дунет их Шиш.

Поехали братаны вниз по матушке, по Волге, по широкому раздолью. Выплеснуло их в Нижнем у ярмарки. Лавку там себе поставили. В домашнюю сторону и смотреть перестали.

А Шиш с отцом зажил. Он до отца хороший стал, ласковый. Отец его залюбил.

СОХА, ПРИЛАВОК, ПЕРО

Очерк А. АФАНАСЬЕВОЙ

Александр Сергеевич Неверов

Лентой развернутой
Проходит Ташкент, город невиданный:
Светлый,
Хлебный,
Улыбающийся.
Глядит оттуда буграми высокими:
Черные куски,
Белые куски,
Пшеница багорная,
Пшеница наливная.

А. С. Неверов „Ташкент—город хлебный“

Прошумели воды поднятые,
Легли в берега.
Вышел месяц ночью темною,
Одиноко глядит из черного облака
На поля пустынные,
На деревни дальние,
На деревни ближние.
Торчат трубы обгорелые,
Слышатся жалобы тихие.

Это не былина о битвах русских богатырей в степях половецких—это последние строки рассказа А. Неверова „Андрон Непутевый“.

Не напрасно и не случайно сходство старых былин и новых рассказов только пять лет тому назад скончавшегося писателя.

Воспевали былины богатырей, что боролись против зверя лютого, кочевника дикого.

Воспевает наш писатель Неверов новых богатырей сегодняшнего дня. Вышли эти богатыри на борьбу за новую справедливую жизнь.

Александр Сергеевич Неверов вышел из крестьянской семьи. Он пишет о своем детстве, проведенном в селе Новинове, Мелекесского уезда, Самарской губ. „Крестьянская работа в поле казалась мне самой лучшей на свете. Я быстро научился пахать сохой, жать серпом, плести лапти. Потом служба за прилавком в купеческом магазине. Меня, довольно большого парня, лет шестнадцати, больше всего заставляли бегать с чайником за кипятком, заправлять лампу, мести полы, убирать скотину на дворе“,—говорит об этих годах Неверов и добавляет: „я тоже писал стихи в уголке за печкой и читал их кухарке Аксинье. Она была в восторге от моих стихов и часто плакала от умиления“.

Потом Неверов потянулся к настоящей учебе. Выдерж л экзамен на учителя. Несколько лет был учителем в глухих селах Самарской губернии. В этом году мне, пишущей эти строки, пришлось побывать в Мелекесском уезде, верстах в 20 от родины А. С. Неверова. На родине очень гордятся своим знаменитым земляком. Мне удалось познакомиться с тремя учителями, которые хорошо знали Александра Сергеевича в пору его учительства. От них я слышала рассказы про его большую любовь к музыке и про его уменье вдруг разгораться и говорить с большим воодушевлением. Правда это было не всегда. Иногда, наоборот, он мог просидеть у друзей вечер, не раскрыв рта.

С 1922 года Александр Сергеевич жил в Москве и работал в целом ряде журналов.

Печататься он начал еще до революции, но только в революцию его талант вполне развился и окреп. Пять лет тому назад, в декабре 1923 г., А. С. Неверов скончался от разрыва сердца.

Лучшее произведение А. С. Неверова „Ташкент—город хлебный“ написано было для взрослого читателя, а стало любимым произведением молодежи.

Такова была судьба „Робинзона Крузо“, „Хижины дяди Тома“ и других замечательных произведений. „Ташкент—город хлебный“ появился в печати в изд-ве „Земля и фабрика“ в 1923 г. и уже на следующий год появился там же вторым изданием. Эту же самую книгу под названием „Мишка Додонов“ Государственное издательство выпустило в 1927 г. ценою в 60 коп. и недавно снова переиздало. В издании 1928 г. книжка стоит 50 коп.

А. С. Неверов—один из тех немногих писателей, которые умели писать о детях и для детей.

Недаром Неверов много лет тесно соприкасался с ребятами во время своего учительства.

Большинство его рассказов:

„Большевики“,

„Как у нас война была“,

„Красный сыщик“ и др. пригодны для младшего возраста, для октябрят.

Рассказ „Яшкина скука“, написанный чрезвычайно просто, затрагивает много серьезных сторон жизни и может быть с интересом прочтен, даже проработан в школе или отряде старшими ребятами. Государственное издательство выпускает к пятилетию со дня смерти Александра Сергеевича дешевую серию его повестей и рассказов.

В пятилетие его безвременной смерти мы можем и должны ближе познакомиться с его творчеством.

КИП

ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР

№ 3

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

ИЗ УСТАВА КИП'а

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

Члены КИП'а!

Наш клуб называется клубом инженеров-пионеров. Но имеем ли мы право называть себя инженерами-пионерами? Нет, это право мы еще должны заслужить. Настоящий инженер-пионер должен уметь строить и рассчитывать мосты, здания, аэропланы, дирижабли, автомобили, радио-и электроприборы. Настоящий инженер-пионер должен уметь отличать один материал от другого: цинк от олова, дубовую доску от сосновой. Он должен знать, что прочнее: железо или медь, сталь или бронза. Он должен быть механиком, химиком, радиотехником, фотографом.

Многим из вас приходилось строить модели. Но это еще не значит, что вы можете называть себя инженерами-пионерами. Построить по готовому рецепту нетрудно. Надо уметь самому составить рецепт, выбрать подходящий материал, определить размеры всех частей модели.

Чтобы помочь вам стать настоящими инженерами-пионерами, мы открываем при нашем клубе

ЛАБОРАТОРИЮ.

Три инженера будут руководить вашей работой.

Один из них—инженер-химик. Он построил в Ленинграде настоящий большой химический завод.

Другой—инженер воздушных сообщений. Он работает сейчас над постройкой первого в СССР шара-прыгуна.

Третий—радио- и электротехник. Он изобрел много остроумных приборов.

Эти три инженера готовы поделиться с вами своими знаниями. Многое из того, что они знают, можно рассказать так, что это будет понятно каждому из вас.

Сегодня речь будет идти о мостах.

О МОСТАХ

Мы начнем с самого простого моста—с доски, положенной поперек канавы. А потом дойдем и до самых сложных мостов.

Доску можно положить или плашмя или ребром.

Как по-вашему: какой мост будет прочнее?

Если хотите, попробуйте положить доску через канаву и пройтись по ней. Член КИП'а Петр Сапогов так и сделал: положил доску и пошел. Доска была тонкая, а член КИП'а Сапогов весил целых 30 кг. Дошел он до середины, доска надломилась, и Сапогов полетел в воду.

Чтобы вам зря не купаться, сделайте для опыта доски из спичек. Расколите несколько спичек в длину, чтобы из каждой спички получилось две дощечки одинаковой толщины. Смастерите из картонного кружка и тонкой бечевки чашку, как для весов. Раздобудьте набор гирь от 100 гр. до 1 кг. Если гирь нет, можно заменить их камушками.

Камушки нужно вывесить где-нибудь в лавке.

Когда все будет готово, приступайте к опытам.

ОПЫТЫ

ОПЫТ 1-й

(Дощечка лежит плашмя)

Возьмите дощечку двумя пальцами, как показано на картинке, и по самой середине (середина — самое опасное место!) подвесьте чашку. Нагружайте ее понемногу гирями. Определите, какой груз переломит спичку пополам. Запишите.

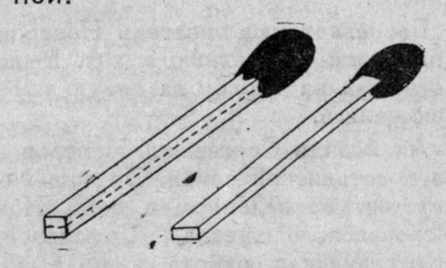
ОПЫТ 2-й

(Дощечка лежит ребром)

Возьмите дощечку так, чтобы она лежала ребром. Найдите, какой груз ее переломит. Запишите. Больше этот груз, чем в первом опыте, или меньше?

ОПЫТ 3-й

Что крепче: целая спичка или дощечка в полспички толщиной?

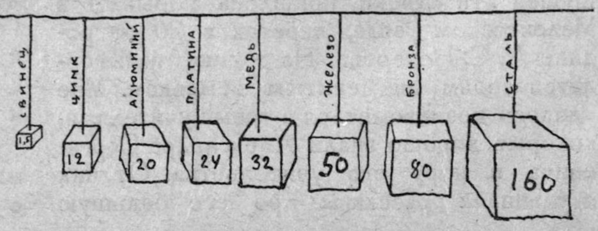

Ясно, что целая спичка прочнее. Но во сколько раз? С первого взгляда кажется, что в два раза. Но это надо проверить. Определите таким же способом, как раньше, какой груз переломит целую, нерасколотую спичку пополам. Запишите. Напишите в редакцию, что у вас получилось.

КАКАЯ ПРОВОЛОКА ПРОЧНЕЕ

Толстая проволока прочнее тонкой—это ясно. А вот скажете ли вы, какая проволока прочнее—железная или медная?

Угадать тут трудно, надо сделать опыт. Но конечно надо сравнивать проволоки одинаковой толщины. Мы в лаборатории взяли восемь образцов проволоки: свинцовую, цинковую, алюминиевую, платиновую, медную, железную, бронзовую и стальную. Все образцы были одинаковой толщины—в 1 мм. Мы определили, какой груз может выдержать каждая из этих проволок. Оказалось, что самая непрочная проволока—свинцовая, она выдерживает не больше 2 кг. Самая крепкая—стальная, она выдерживает до 200 кг. На картинке нарисовано, какая проволока какой груз выдерживает.

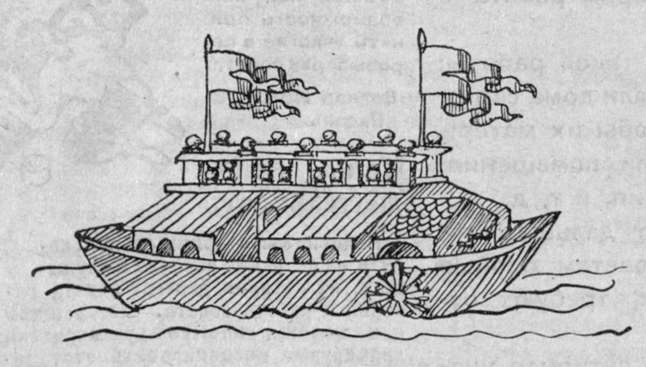

НАША БИБЛИОТЕКА

КИП решил собирать редкие книги по технике. Ведь интересно знать, какие машины были в старину. Недавно нам удалось купить у букиниста книгу, изданную в 1663 году. Называется она:

УДИВИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА ИЛИ ЧУДЕСА ИСКУССТВА

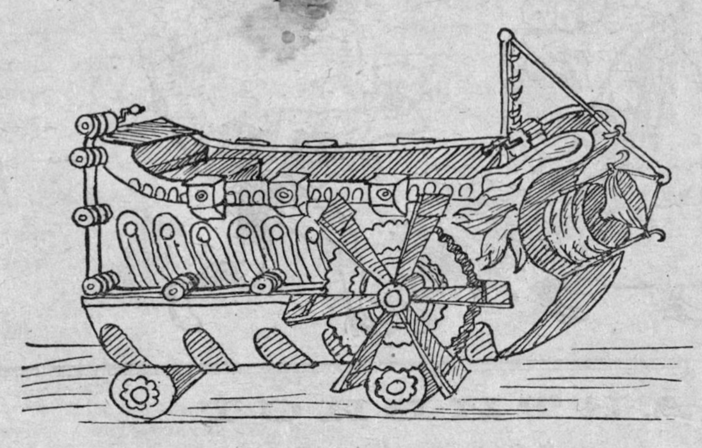
Сочинил ее патер Каспар Шотт; монах из ордена иезуитов. Написана она по-латыни. В ней много забавных рисунков и чертежей. Вот, например, корабль с колесами. Вместо паровой машины (тогда пароходов еще не было) на корабле устроен зубчатый механизм, как в часах, и приделана рукоятка, чтобы вертеть колеса. Внизу подпись:

«Один человек может приводить в движение этот корабль.»

А как по-вашему? Корабль ведь с дом величиной, разве его сдвинет с места один человек.

А вот другая картинка. Это тоже корабль. Он поставлен на колеса, чтобы можно было и по-суху ездить. Спереди кузнечный мех. А знаете для чего? Чтобы накачивать воздух в трюм, если корабль сядет на мель. Корабль станет легче и снимется с мели.

Правильно ли это? Как вы думаете?

В книге много еще других таких же нелепых машин. В те времена рассчитывать машины еще не умели, оттого такая чепуха и получалась.

Книга была издана в Германии, а к нам в Россию попала лет восемьдесят тому назад или еще раньше. На крышке переплета надпись пером по-русски:

Куплено на толкучем рынке въ 1852 г. за 7 р. ассигнаціями

Кто умеет? Кто знает?

(Продолжение)

Вопрос 5-й. Как отвинтить крепко завинченный заржавевший винт?

Вопрос 6-й. Как самому хорошо отточить сильно затупленный нож?

Вопрос 7-й. Возможна ли передача изображений по радио? Пионер Валентин Семин, отряд им. Буденного, ст. Сухиничи, Калужской губ.

Вопрос 8-й. Кто такой Румплер?

Вопрос 9-й. Почему орудие может так далеко стрелять? П. Скуратов, село Сарай, Рязанской губ.

ОТВЕТЫ

На вопрос 1-й: Как свести ржавчину с перочинного ножа?

Ржавчину с перочинного ножа можно свести так: возьмите нож и трите о камень или кирпич. П. Скуратов

При тонком налете ржавчины на лезвии поможет погружение ножа в землю. Если слой ржавчины толст, то его сначала счищают старым напильником, а потом наждачной шкуркой. Также не плохо можно счищать ржавчину при помощи круглого вращающегося точила, прижимая к его кромке лезвие ножа. С. Молоканов

Смешать немного золы с керосином и покрыть нож этой смесью. Потом протереть тряпкой. А. Иванов

На вопрос 2-й: Как свести жирное пятно с книги?

Жирные пятна с бумаги можно частично свести горячим утюгом, подложив под пятно пропускную бумагу и проглаживая его сверху. Лучше другой способ: берут немного бензину и смешивают его с таким же по об'ему количеством жженой магнезии [1]. Небольшое количество этой кашицы берут на палец и натирают пятно. Чем чище взят бензин, тем лучше получатся результаты. С. Молоканов

[1] Можно просто взять мел.—Редакция.

На вопрос 3-й: Что такое метеорит?

Метеоритами называются тела, попадающие в воздушную оболочку земли из мировых пространств. Мелкие метеориты сгорают, попадая в воздух, крупные же падают на землю с сильным шумом, подобным грому. Иногда наблюдаются целые метеоритные дожди. Найдено, что эти дожди происходят от распавшихся комет. С. Молоканов

На вопрос 4-й. В какой книге можно прочесть о путешественнике Свен Гедине?

О путешествии Свен Гедина прочитайте книгу «Под солнцем Азии». П. Скуратов

Первый член КИП'а

Многие читатели «Пионера» решили стать членами КИП'а. Первым вступил в КИП пионер отряда им. Буденного на ст. Сухиничи—Валентин Семин. Вот что он нам пишет:

«Прочитав в № 20 «Пионера» о клубе КИП, я решил немедленно стать его членом и в дальнейшем постараюсь повести работу по уставу».

Читатели «Пионера», вступайте в члены КИП'а, пишите о ваших работах, задавайте вопросы, отвечайте на вопросы товарищей!

Заведующий КИП'ом М. ИЛЬИН

Бумеранг

ДЕКАБРЬ СТЕНГАЗЕТЫ ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ № 18

МАТЬ—НА ПЕРЕВЫБОРАХ, ДОМА—ПИОНЕРЫ

ВСЕ НА ПЕРЕВЫБОРЫ!

— Все пионеры и школьники должны участвовать в выборах в совет.

— Позвольте, граждане до 18 лет в совет не выбирают.

— Совершенно верно. Но помочь выборам ребята и могут и должны.

У многих отрядов и школ есть опыт такой работы: ребята на время выборных собраний замещали дома своих матерей, устраивали ясли для малышей, чтобы их матери могли пойти на перевыборы совета, украшали помещения в которых должны были проходить собрания, и т. д.

Сейчас ребята некоторых отрядов идут дальше: они хотят внести в наказ переизбираемым советам особые пункты. Ребята требуют закрытия пивных, требуют открытия детских клубов.

Ребята! Вы все должны принять самое активное участие в кампании перевыборов советов. Делайте это под руководством комсомольских ячеек, помогайте клубу, пишите лозунги. Будьте настоящими помощниками советской власти.

ПИОНЕР-ЯСЛИ

Когда в прошлом году у нас происходили выборы в совет, то мы тоже приняли участие в этом деле. Мы устроили в своем клубе ясли. Дело в том, что многие жены рабочих не могли уйти на выборные собрания потому, что у них есть маленькие ребята 3—4 лет. Так вот мы об'явили по нашему району, чтобы матери приводили своих ребят в клуб. Кроме того ребята из 1-го звена ходили по квартирам рабочих нашего союза и забирали ребят. Многие матери боялись отпускать своих детей, но мы их убедили, что ребятам будет хорошо и что ничего с ними не случится. Так мы собрали много ребят, а их мамаши получили возможность принять участие в перевыборах совета.

Деткор ИВАНОВ.

Рязань

Наша самодеятельность

Недавно мы, старшие ребята, ходили на собрание рабочих и служащих, на котором делегат совета говорил о работе совета. Мы решили при помощи нашего руководителя драмкружка инсценировать этот доклад в живую газету. Мы уже начали эту работу и думаем выступить, когда начнется кампания по перевыборам советов.

Н. МАКАРОВ

Н.-Новгород

Приняли участие

Перевыборное собрание должно было происходить в нашем рабочем клубе. Поэтому мы на совете отряда решили украсить клуб.

Правление клуба дало нам красной материи, бумаги, красок, гвоздиков; мы достали елок и принялись за дело. Украсили портреты, написали и развесили лозунги, украсили сцену.

Нам было очень приятно, что выборы в совет происходили в зале, украшенном нами.

Н. БОРИСОВ

Ив.-Вознесенск

ВСЕ НА ПЕРЕВЫБОРЫ СОВ

Будем помогать

Когда мы узнали, что скоро будут перевыборы советов, то попросили нашу вожатую рассказать, что такое совет, как он строится и т. д. Она провела с нами две беседы, которыми мы очень заинтересовались. Теперь нам очень стыдно, что мы не знали, как строится советская власть.

Когда наступят перевыборы, мы уже сумеем разъяснить тому, кто не знает, что такое совет, как его выбирают, кто не имеет права выбирать и быть выбранным и т. д.

Я. СИМАКОВ

Тула

Домашние работники

Комсомольская ячейка поручила нашему отряду превратиться в домашних работников. Пришел к нам на сбор комсомолец Вася Кочетков и рассказал, что есть у нас такие гражданки, которые не идут на выборы в совет только потому, что надо или белье стирать, или варить, или дома есть маленькие дети, которых покинуть нельзя. Поэтому мы должны пойти и раз'яснить таким хозяйкам, что мы их заменим, а они пусть идут на перевыборы совета. Вот мы и пошли. Во многих местах нас встретили хорошо и с радостью согласились. В некоторых местах нам пришлось долго доказывать, что мы не испачкаем, а выстираем белье, что не устроим пожара, и руки, ноги и головы маленьких детей останутся в целости. А кое-где нас очень невежливо прогоняли.

Все-таки в день выборов в совет наши старшие ребята были настоящими домашними хозяйками и очень хорошо справились с этим делом. Особенно отличались девочки. Это конечно потому, что они и дома часто делают такую работу.

Все это мы делали в прошлом году по поручению комсомольцев. А в этом году сделаем то же самое сами. И всем другим ребятам советуем.

В. ГРАЧЕВ

Владимир

Выставим требование

К перевыборам совета мы внесем в наказ новому совету просьбу закрыть несколько пивных и открыть детский клуб.

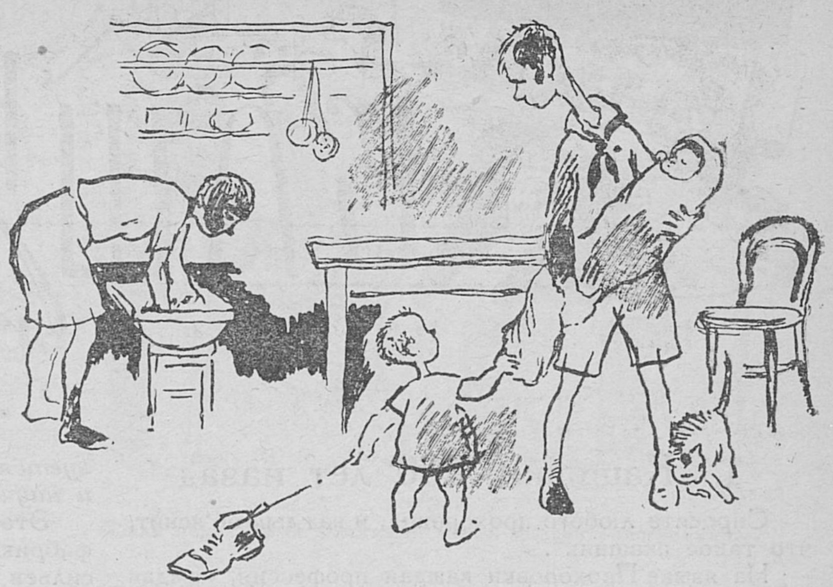
Так мы думаем проводить борьбу с алкоголем.

Ребята, следуйте нашему примеру

Р. ЛОГОВ

Москва

НОВОЕ ЗАНЯТИЕ

— Коля, а Коля, ты навсегда мама или только пока перевыборы?

ЗА ЖУРНАЛОМ

Рассыпает золото лампа
На журнала большие листы.
Вечер синью сквозь окна каплет,
И о скатерть рука шелестит.
Пионерами строятся строки
И шагают прямо в глаза.
Этот столбец высокий
Многое мне рассказал.
О том, что вон там за лесами
И за дымкой горных седин
Индусского мальчика Сами
Бьет его господин.
Головою склоняюсь ниже—
Ах, каким я мечтателем стал,
Все мне кажется, будто увижу
Целый мир на кусочке листа.
А вот здесь, где Москва пожаром
Расплескала знамена свои,
Слышу—будто Светлов и Жаров
Декламируют стихи.
Многое, многое мнится.
Разве можно про все рассказать.
За страницей бегут страницы,
Чтобы вновь пробежать опять.
Уж не сыплет золотом лампа,
Тлеет она кое-как...
Только ночь сквозь окна каплет,
И в страницах шуршит рука.

Б. КОПЫЛОВ

Воронеж

ГЛАВМАМЫ

АКТИВИСТ

Пашка — парень активный. Недаром он вступил в пионеры еще в 1923 году. В отряде он... думаете вожатый 1-го звена? или председатель совета отряда?.. ничего подобного! Есть у него время заниматься такими мелочами!!! Он просто активист. Но какой активист! Без него не проходит ни одна кампания, ни одна годовщина, ни один юбилей.

Это он еще задолго до перевыборов совета поднял на совете отряда вопрос об участии в этой кампании нашего отряда. Это ему поручили организовать ясли, связаться с комсомольской ячейкой, организовать живую газету. Много еще дел поручили нашему активисту Пашке. Собственно мы не хотели очень много поручать Пашке, но... как только нужно было что-нибудь поручать—вставал Пашка и говорил: „Только я могу сделать это“. И он доказывал почему это так. И мы поручали...

Накануне перевыборов совета мы участвовали в демонстрации. Впереди шел Пашка и гордо нес большой плакат „Все на перевыборы совета!“ На площади около пожарной каланчи Пашка произнес речь. Ах, какая это была прекрасная речь!!! Эта речь способна была усыпить не мух, нет, что мухи? Целое стадо слонов могло бы умереть от такой речи. Но слоны в нашем местечке не водятся, поэтому никто не умер (а собаки благоразумно убежали).

В день перевыборов мы разделились на группы и пошли кто куда. Кто пошел за ребятами в ясли, кто прямо в наш клуб (там мы организовали ясли), кто по домам рабочих—заменять домохозяек. Вообще все занялись делом.

— Ребята, что это Пашка не идет? Ведь он должен читать ребятам сказки, —раздался тихий голос Веры.

— Что ты, что ты!—возразил Петя, секретарь совета отряда.—Пашка сегодня выступает на собрании школьников с докладом.

— Вот уж ничего подобного!—сказал я.—Пашка сейчас сидит в квартире у Матрены Ивановны, а она ушла на собрание.

— Мне Пашка сам сказал, что он играет главную роль в живой газете, которая будет выступать на перевыборном собрании,—сказала Маня, вожатая 1-го звена.

* * *

Через три дня на совете отряда мы разбирали совсем необыкновенный вопрос. В углу сидел красный, как плакат, Пашка. На него наседала Матрена Ивановна, называя его трепачом, „омманщиком“, лодырем и другими недостойными словами.

Зав. клубом уверял, что он не любит, когда его подводят и что он не пустит больше пионеров в клуб. Вера требовала, чтобы Пашка вернул детские книжки, взятые у бибкома, и требовала, чтобы с Пашки сняли галстук на три сбора. А вожатый школьного форпоста разводил руками, вздыхал и все время повторял: „Ну подвел, ну и подвел“...

Москва Деткор ИВАН ГУСЬ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

Мною замечено недобросовестное отношение одного из деткоров, Бори Федосеева, по отношению к своим обязанностям, как деткора распространеннейшего журнала пионеров и ребят вообще—„Пионер“. В № 15 „Пионера“ за 1928 г. в отделе „Ерш“, на 3-й странице обложки, помещено „его“ стихотворение „Предклассом Петька Колосков“. Сравните это стихотворение с нижеследующим, взятым из приложения к „Красной газете“ (Ленинград) журнала „Красные ребята“ № 1 за 1928 г. на 8 й странице. Стихотворение называется „Дни и труды предклассскома Васьки“; написано довольно известным поэтом-юмористом В. Князевым. Вот оно:

Взбужен мамашиным звонком
И легкой встряскою матраца,
Товарищ Васька—предклассском
Глаза шлифует кулаком
И начинает одеваться.
„Восьмого четверть? Та-та-та!“
И торопливою походкой
(Пустивши валенком в кота—мамаша чаем занята)
Идет он зубы чистить щеткой...
Портфель под мышку; классный ключ
В карман и по перилам (канючь, мамаша, не канючь)
С отвесных трехэтажных круч
К дверям турманом легкокрылым.
Пред классом класс шумит давно:
„Где ключ?! Где Васька-простофиля?“
А простофиля у кино
Застыл и пялится в окно,
Смакуя снимки Гарри Пиля.

Не правда ли, Боря Федосеев, слава легко дается, да только так и попасться легко. Вот и влопался!

Стыдно, стыдно, Боря!

Рустем ТЕРЕГУЛОВ

Баку

ТЕЛЕГРАММЫ

Пионеры 142 отряда Зам. района при проведении культпохода в рабочем поселке Дубровка занимались книгоношеством — продали книг на 70 рублей и роздали бесплатно 600 журналов.

Пионер П. ЛИПОВСКИЙ

Ученики I-й профтехшколы г. Боровичей провели воскресник в помощь школы. Они распилили и накололи 8 кубов дров. Выручено 25 рублей

Деткор Б. ФУРАЕВ

Очерк А. БАУТИНА
Рис. М. ГОРШМАНА

1. „Кашники“ 100 лет назад

Спросите любого прохоровца, и каждый об‘яснит, что такое „кашник“.

На языке Прохоровки каждая профессия, каждая специальность имеет особое прозвище. Ситце-набивники называются мамаями, работающие в ткацкой—рогалями и рогаликами, монтеров-электротехников зовут паутинщиками.

Но кто такие „кашники“?

Такое сложное предприятие, как ситце-набивная фабрика, нуждается в квалифицированных рабочих: нужны химики, красковары, резчики, гравера, раклисты, набойщики, колористы, рисовальщики. 100 лет назад их почти не было, и фабрикантам приходилось выписывать из-за границы дорогих „умельцев“—мастеров.

Фабрикант Тимофей Прохоров решил, что выписывать мастеров из-за границы незачем. И в конце 1816 года набирает на фабрику подростков из детей своих рабочих и организует школу.

Ученики часть дня проводили в школе, часть работали на фабрике. Столовались они при школе, причем на протяжении более ста лет на второе получали гречневую кашу. Учеников прозвали „кашниками“.

2. Где фабрика, там и Кнопп

Через десяток лет Прохоров уже имел из своих выучеников недорогую квалифицированную рабочую силу и мог уже обходиться без дорогих „немцев“—мастеров. Немцы-мастера ему не мешали, однако мешали немцы-фабриканты. К сороковым годам прошлого столетия немец Кнопп перевез из Англии 122 прядильных, ткацких и ситцевых фабрик, так что даже сложилась пословица: „Где церковь—там и поп, где фабрика — там и Кнопп“.

Но окрепшим Прохоровым не было страшно даже нашествие Кноппа.

Школа при фабрике существовала все время. Принимая мальчика, фабрикант заключал с отцом договор.

Вот выдержки из договора фабриканта Прохорова 1 апреля 1839 г. с рабочим Хвостовым:

„Отдаю малолетнего сына своего в научение набойному мастерству и нужным для сего наукам впредь на 5 лет. После сего сын мой обязуется отжить и отработать за содержание и научение“.

Этот Василий Хвостов основательно „отжил“ на фабрике, прослужив 70 лет. Его однокашник Н. Васильев „отжил“ на фабрике 67 лет. В. Павлов доработался до того, что умер в воротах фабрики.

Отработав за учение, „кашники“ получали мало в сравнении со специалистами других фабрик.

Когда кабала договора кончалась—„кашник“ не уходил с фабрики. Человек, как кошка, привыкает к месту.

В первые годы фабрика не имела ткацкой и занималась белением, крашением и набивкой узоров на чужом сырье. Рисунок и расцветка на ситцах и платках имели большое значение, поэтому фабрикант тщательно выбирал из своих учеников хороших рисовальщиков.

3. Тарас Марыгин

Рисунки прохоровских ситцев восточного типа („огурчиками“) имели большой успех у окраинных народов России: у киргизов, узбеков, бухарцев. Цыганки-кочевницы рядились в цветастые ситцы прохоровской набивки.

Удивительным творцом рисунка был Тарас Егорович Марыгин. Этот художник-самородок придал особый интересный облик товарам на целое столетие.

Тарас был выучеником школы и проработал более 50 лет. Он так любил свое дело, что часто рисовал даже на ходу, на улице.

Важная дама подняла крик, и несчастный художник был схвачен городовым.

За это его раз отправили в участок. Тарас увидел на гуляньи на одной даме шаль с интересным персидским узором и стал зарисовывать, следуя за дамой по пятам.

Дама оказалась важной и гневной, подняла на улице крик, и несчастный художник был схвачен городовым и отправлен в часть.

Марыгинская рисовальня долгие годы была душой всего дела.

Резчики, красковары, набойщики, химики изощряли свое уменье, чтобы в точности передать рисунки и расцветку на ситцах, шалях и платках.

В результате коллективной работы выходили саксонские и персидские товары, которым дивились за границей.

Вот выдержки из письма 15 мая 1833 г. Якова Прохорова, где он хвалится своими товарами:

„*Товары наши есть неподражаемые ничему иноземному и туземному. Даже в самом роскошном утонченного вкуса городе, т.-е. в Париже, оные где-то на мебели лежат*“.

Творчество Тараса пережило столетие. На всемирной Парижской выставке 1900 года были выставлены ткани с персидским орнаментом ручной набивки по его рисункам.

Фабрика получила высшую награду—большую золотую медаль.

Теперь на Прохоровке нет набивной мастерской.

Проворные печатные машины заменили ручную набивку. „Манеры“ (деревянные клише) проданы с торгов.

„Киянки“ (деревянные молотки) брошены в печь.

Года три назад в небольшом помещении старики еще набивали петухов и павлинов на „вафельных“ полотенцах. Теперь этого нет.

Но остались в рисуночных книгах неподражаемые образчики творчества Тараса.

4. На христианских началах

В 1848 году С. А. Маслов написал очерк о внутреннем распорядке школы:

„Спят ребята на нарах, обедают при школе, ложки и миски деревянные, ни в чем нет блеску и роскоши. За обедом ученик читает вслух жития святых“.

Маслов остался этим доволен и закончил свое описание так:

„Как все просто и уютно придумано! В наше время, когда на Западе земля стонет от неистовства фабричных пролетариев, мы с благодарностью повторяем: вот воспитание, которое дают ученикам бр. Прохоровы, соединено с трудолюбием и основано на христианских началах, без чего метутся и разрушаются гражданские общества на Западе Европы“.

5. Первый фабзавуч

Именно на Прохоровке родился первый фабзавуч, существует он и теперь; автор этого очерка тоже бывший „кашник“. Трехгорному фабзавучу стукнуло этой осенью 112 лет.

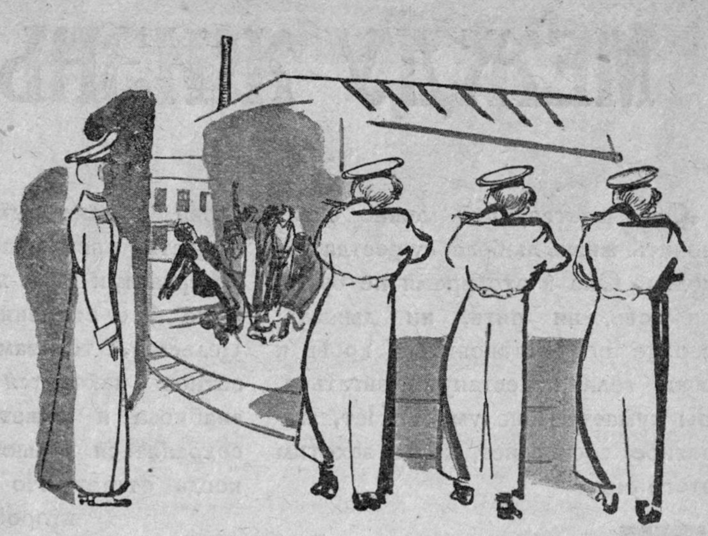
Чем же был „кашник“ до революции?

Это был малолетний рабочий.

Все большие события, волнения, забастовки юные „кашники“ переживали вместе с отцами. Ребята никогда не изменяли своим отцам-пролетариям.

Школа рождала пламенных революционеров. Молодые рабочие, получив образование, гремели на митингах, а потом гремели кандалами в Сибири, в тайге.

1902 год. Об'явлена забастовка. Среди рабочего дня из цеха в цех, как гранаты, врываются

После подавления восстания очень многих расстреляли...

„ударные группы“. Шапки надвинуты на глаза, но видно, что молодежь.

— Кончай работать!—яростно кричит один из группы и даже топает ногой.

Машины останавливаются.

„Рогали“ и „мамаи“ с „превеликим азартным криком“ повалили на улицу.

На городовых сыплются ругательства:

— Фараоны! Архангелы!

Мальчики и подростки свистят. Рассказывают, как какой-то оголец из мамаев спустил штаны и обернулся задом к городовым.

Архангелы ничего не могли сделать. Забастовку 1902 года прохоровцы выиграли.

В 1905 году почти все „кашники“ поголовно участвовали в вооруженном восстании. Маленькие помогали строить баррикады. Ученики старших классов ходили по частным квартирам с призывом:

— Граждане! Жертвуйте оружие!

Юноши записывались в дружинники.

Декабрьское вооруженное восстание было сломлено, на Пресне горели баррикады, дома и целые кварталы. В те дни погибло не мало „кашников“.

В. Честнов, 16 лет, был приговорен к каторге. На суд он явился в красной рубахе и с ненавистью крикнул судьям в своем последнем слове:

— Не пугайте цепями! Я буду гордиться своими кандалами, как солдат георгиевским крестом.

В Сибири он организовал побег. Попытка не удалась, и Честнова застрелил часовой.

Зернов Николай, 18 лет, Ионычев А., 20 лет, Коротков Семен, 22 года—после подавления восстания были расстреляны полевым судом во дворе фабрики в числе 14 дружинников фабрики.

Оспенников погиб на баррикадах.

Теперь у входа на Трехгорку в кирпичной стене, у которой расстреляны рабочие, вделана мраморная доска и на ней золотыми буквами написаны имена 14 казненных дружинников.

В те дни Красная Пресня была окружена войсками. Группа дружинников, в числе их Седой-Литвин—этот прославленный командир бунтарей Красной Пресни—с трудом пробралась по льду реки к Дорогомиловскому кладбищу и скрылась.

В 1922 году Седой-Литвин встал во главе школы „кашников“. Он—директор этой школы, которая теперь называется „Мануфактурно-техническое училище имени Декабрьского вооруженного восстания 1905 года“.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ и СМЕРТЬЮ

ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ
Рис. Б. ПОКРОВСКОГО

Оказывается, что можно остановить жизнь любого существа надолго. Оно в это время не будет ни есть, ни пить, ни дышать; сердце его остановится, кровь и соки тела перестанут двигаться. Вы думаете—оно умрет? Нет, животное воскреснет, когда захотим этого мы.

Этот рисунок наглядно показывает, при какой температуре наступает анабиоз.

Такое чудесное состояние животных между жизнью и смертью называется в науке анабиозом и открыто нашим ученым П. И. Бахметьевым. Начал он свои опыты над насекомыми (бабочками, жуками и т. д.), замораживая их в особом аппарате.

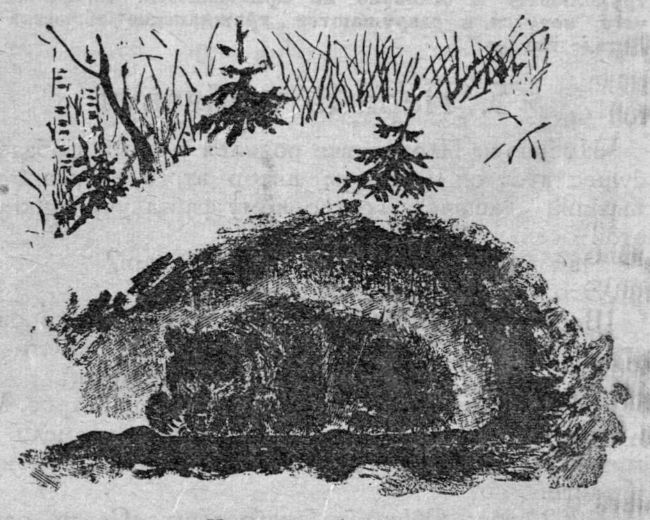
Замораживая бабочек и жучков в особом аппарате, Бахметьев все время измерял температуру их тела электрическим термометром, который специально придуман для этой цели. В аппарате всегда поддерживался холод от 20 до 22 градусов Цельсия. Делая опыты, Бахметьев заметил, что при замерзании насекомые охлаждаются постепенно до 10 градусов холода, потом тело их сразу согревается до 1 с половиной градуса холода, и с этого момента снова начинает охлаждаться. При вторичном охлаждении кровь и соки тела твердеют, превращаются в кристаллики. Движение соков и крови, а также дыхание и обмен веществ прекращаются. Бабочка замерзает, и если холод не падает ниже 4 с половиной градусов по Цельсию, то замороженное животное находится в состоянии анабиоза и может в таком виде сохраняться целые годы и ожить, когда оттает. Но если животное второй раз после повышения температуры (до 1,5 градусов) охлаждать до 10 градусов холода, оно при отогревании не оживет. Таким образом анабиоз возможен только при вторичном охлаждении замораживаемого животного и притом не ниже 4 с половиной градусов по Цельсию.

Такое свойство насекомых временно умирать, а потом воскресать используется уже в сельском хозяйстве. В Калифорнии (Америка) огородники борятся с бахчевой или дынной тлей при помощи божьей коровки. Дело в том, что прожорливые дынные тли местами начисто уничтожают бахчи и не дают возможности разводить дыни. Единственной мерой борьбы с ними служат божьи коровки, которые поедают тлей с такой же жадностью, с какой те едят дыни. Беда в том только, что божьи коровки не всегда и не везде имеются в нужном количестве.

Пользуясь опытом по анабиозу, американские агрономические станции разыскивают места, где божьи коровки залегают в спячку на зиму, собирают этих жучков целыми мешками, запаковывают в особые ящики и хранят на холоде в 2 градуса по Цельсию. В таком состоянии между жизнью и смертью божьих коровок держат всю зиму и весну вплоть до того времени, когда появляется тля. Тогда жучков оттаивают и выпускают на бахчи и огороды с тем расчетом, чтобы на каждые 10 акров пришлось бы около 30 тысяч божьих коровок. Воскресшие из мертвых насекомые тотчас же начинают с аппетитом пожирать тлей.

Эта возможность прерывать жизнь, превращать живое существо в бездыханный труп, а потом в любой момент оживлять мертвеца еще удивительней при опытах над летучими мышами. Летучих мышей Бахметьев замораживал тем же способом и в таком же аппарате, как и насекомых.

В состоянии анабиоза замерзшая летучая мышь находилась при холоде от 2 до 9 градусов. При этой температуре летучая мышь представляла твердую ледяшку. Она делалась хрупкой, как лед. Одну такую мышь нечаянно уронили, и у нее разбилось крыло. Словом, это был оледенелый труп. Чтобы удостовериться в несомненной смерти замороженной летучей мыши, одной из них вскрыли грудную клетку и обнажили сердце, которое оказа-

Медведь в берлоге.

лось твердым, совершенно замерзшим. После этой операции летучую мышь стали оттаивать, и приблизительно через час сердце начало слабо биться с большими перерывами. Потом биенье сердца участилось до 64 ударов в одну минуту, что длилось более 3 часов, пока летучая мышь не истекла кровью.

Замороженных летучих мышей Бахметьев держал на льду 2—3 месяца и больше, потом оттаивал их, и они оживали и даже летали по комнате.

Обычно при оттаивании прежде всего делался мягким живот и начинал вздрагивать, что означало первые попытки вздохнуть. Через полчаса такие вздрагивания учащались (6 рзз в минуту), а потом

Летучая мышь.

быстро доходили до 260 вздрагиваний и вздохов в 1 минуту. Такие частые вздохи были похожи на мелкую непрерывную дрожь. Через полчаса дыханье делалось нормальным, и мышь начинала оживать.

Двигалось сначала правое, потом левое ухо, приходили в движение задние ноги, высовывался язык и вслед за тем начинало двигаться правое крыло. В это время летучая мышь становилась на ноги и начинала ползать. Бывали не раз случаи, когда ожившие летучие мыши начинали летать по комнате.

Но этим не ограничиваются чудеса жизни, побеждающей смерть. Кроме замораживания, анабиоз живых существ вызывается и высушиванием. Примером этого могут служить микроскопические животные—коловратки и тихоходки. Эти крохотные существа, имеющие вид червячков, живут в воде луж, водосточных труб и т. д. Так вот, если взять коловраток и сушить, подогревая до той температуры, при которой кипит вода (100 градусов), то их можно совершенно высушить обратить в сухие твердые комочки.

Спящие летучие мыши.

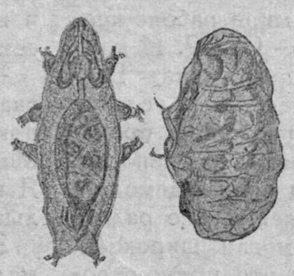
То же самое можно проделать и с тихоходками (см. рис.), которые даже высыхают настолько, что остается только ссохшаяся кожа да коготки ног.

Но если этих сухих червяков пустить в теплую воду хотя бы через год, они быстро отмокнут, оживут и начнут плавать так, как будто они и не высыхали. Делали и такие опыты с высушенными коловратками и тихоходками. Высушив, их помещали в газ водород и замораживали при таком холоде, когда даже воздух обращается в жидкость, а потом в лед. В таком холоде держали коловраток и тихоходок два года, а потом пустили в воду. Случилось чудо, высушенные и страшно промороженные коловратки и тихоходки ожили.

Это об'ясняется тем же, чем можно об'яснить временную остановку часов. Вот мы задержали маятник, часы остановились: не двигаются стрелки, не чикает маятник, не поворачиваются колеса. Но если механизм цел, то при толчке маятника часы снова пойдут, и весь их механизм придет в движение. Если же часы не пойдут, то значит что-то в них сломалось.

Слева—живая, справа—высушенная коловратки, сильно увеличенные.

Слева—живая, справа—высушенная тихоходки, сильно увеличенные.

При анабиозе выяснилось, что жар и холод при известных условиях не разрушают организма живого существа, а только останавливают его жизнь, как ход часов. Потом, когда тепло или холод заменятся обычной для живого существа температурой и влажностью, оно оживает, механизм его тела (если нет повреждений органов) начинает снова работать.

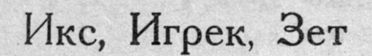
Откуда же и как у живых существ появилось такое упорство в жизни и такое сопротивление смерти?

Все эти приспособления у живых существ выработались в борьбе с холодом (в холодных странах) и страшными засухами (в жарких странах). Примером такой борьбы с холодом служит лягушка. Летом она околевает при 0 градусов через 6—8 часов и не может быть под водой несколько часов подряд—она задохнется. Зимой же лягушка лежит несколько месяцев, зарывшись в ил, на дне озера или реки и все время под водой. Это называется зимней спячкой. У нас зимней спячке подвержены: муравьи, пчелы, божьи коровки, лягушки, змеи, летучие мыши, сурки, ежи, хомяки, сони и другие крупные и мелкие животные. Спят зимой даже такие огромные звери, как медведи, хотя они и просыпаются время от времени.

В жарких странах наоборот: во время страшного зноя, когда солнце выжигает луга и степи, когда пересыхают реки, высыхают озера и болота, многие живые существа, чтобы не погибнуть, впадают в летнюю спячку.

Для большинства спящих животных не нужно никакой пищи, и даже самое дыхание почти прекращается

Уравнение с тремя неизвестными

Очерк Л. КАССИЛЯ
Рис. М. АКСЕЛЬРОДА

Икс, Игрек, Зет

Весь мир знает героев этой забавной истории. Но имена храбрецов неизвестны никому, кроме близких друзей. В газетах Германии их называют: Икс, Игрек и Зет (X, У, Z). Так как товарищи эти должны скрываться от полиции, то нам придется тоже называть их таким образом.

Товарищи Икс, Игрек и Зет—германские коммунисты-рабочие. Икс—маленький, подвижной, веселый. Игрек—худой, длинный, сутулый. Зет—солидный, крепкий, широкоплечий и серьезный. X + У + Z—друзья.

Подробнее описывать товарищей Икса, Игрека и Зета не буду. А то полиция прочтет, узнает, какие они, и арестует их.

В Германии в это время коммунисты выступали против постройки броненосца, который задумали строить германские министры. Коммунисты понимали, что новый броненосец укрепит военную силу буржуазии, и Германия тогда легче и скорее согласится ввязаться в новую жестокую войну.

— Господа,—вопили германские министры и вожди социал-демократов,—мы же за мир. А броненосец мы строим для укрепления мира и для безопасности нашего дорогого фатерланд—отечества. Мы за мир. Мы только за один броненосец—„броненосец А“.

Коммунисты знают азбуку

Но коммунисты знали азбуку. Они знали, что за „броненосцем А“ последует „броненосец Б“ и т. д. И эти броненосцы, если понадобится, повернут свои дальнобойные, многокалиберные, чудовищные пушки на рабочих и крестьян и на единственное в мире рабоче-крестьянское государство—СССР. И коммунисты призывали пролетариат Германии требовать всенародного голосования по вопросу о постройке броненосца и голосовать против броненосца.

Но у буржуазии и социал-демократов были в распоряжении все радиостанции, откуда они могли широковещательно врать о том, что нужно строить броненосец. Коммунисты же не допускались к микрофонам радиостанций, их преследовала полиция, всячески мешая им агитировать против броненосца. Положение коммунистов было затруднительное.

И вот тогда три рабочих-коммуниста—товарищи Икс, Игрек и Зет—задумали завладеть эфиром. Они устроили небольшое тайное совещание.

— Товарищи,—сказал Зет,—в субботу 6 октября в 7 час. 30 мин. на волне 483,9 метра будет передаваться лекция „Проблема обеспечения мира“... постройкой нового „броненосца А“. Читать будет сам редактор „Форвертса“. Лекцию будет слышно по всей Германии. Как бы нам помешать этому?..

— Очень просто,—вскочил маленький Икс,—похитить этого самого редактора, явиться вместо него на станцию и прочесть свою лекцию против постройки. Что? Ловко придумал?

— Ловко-то ловко,—сказал немного унылый Игрек,—да как похитить его, когда мы его в лицо-то не знаем?

Товарищи задумались. Вдруг Икс что-то придумал, хлопнул себя по лбу и подбежал к телефону.

— Алло! Редакция „Форвертса“? Можно к телефону редактора? Господин Шварц? С вами говорит ваш преданный и искренний поклонник. Да, да. Социал-демократ, разумеется. Ах, господин Шварц. Мы все так увлекаемся вашей газетой, вашими статьями. Мы все так обожаем вас. И я, и жена, даже детишки. Сынишка играет вчера, я спрашиваю: „Во что ты играешь?“ „Я, говорит, играю в редактора „Форвертса“, господина Вольфганга Шварца, и хочу строить броненосец“... Такой шустрый.

Редактор социал-демократического „Форвертса“, молодой Вольфганг Шварц, и без того мнивший себя гением и вождем, совсем растаял:

— Чем могу быть полезен?—учтиво спросил он Икса.

— Ах,—закричал в трубку телефона Икс,—я так мечтаю иметь ваш портрет, и жена, и дети... Осчастливьте бедную семью. Разрешите прислать фотографа.

—Зачем же фотографа?—любезно сказал редактор „Форвертса“.—Не беспокойтесь. У меня есть мои фотографии. Можете прислать за ними хоть сейчас. Я всегда рад сделать приятное для милых людей.

За карточкой послали в редакцию мальчишку. Через час у Икса, Игрека и Зета была фотография Шварца. Теперь предстояло обдумать дальнейшую подготовку проделки. Зет отправился к коммунистическому депутату ландтага, товарищу Карлу Шульцу, и попросил его приготовить лекцию против бро-

неносца, которую он смог бы прочесть по радио, если проделка удастся. Игрек заказал автомобиль. Икс позвонил редактору „Форвертса“ и сказал, что с радиостанции за ним пришлют автомобиль и отвезут на лекцию.

Настал день лекции. Социал-демократы поставили в клубах громкоговорители, устроили собрания.

Страна приготовилась слушать уважаемого редактора „Форвертса“.

Игрек позвонил по телефону, что машина выслана. Шварц с нетерпением стал ждать у окна. Вскоре он увидел шикарный автомобиль, медленно плывущий по улице. Автомобиль двигался нерешительно, словно ощупью.

Дело в том, что нашим друзьям не был известен точный адрес редактора „Форвертса“. Они знали лишь улицу. Икс, Игрек и Зет сидели в автомобиле и в отчаянии смотрели в окна. Им помог сам Шварц.

Сгорая от нетерпения, желая как можно скорее быть услышанным всей Германией, Шварц выскочил на улицу и подошел к автомобилю:

— Вы не с радиостанции?

— Да, да!—закричали Икс, Игрек и Зет, узнав редактора по имеющейся у них карточке.—За вами, дорогой герр Шварц. Садитесь, пожалуйста.

Шварц сел. Автомобиль тронулся. Икс, Игрек и Зет задернули занавески в окнах автомобиля и стали занимать редактора приятными разговорами.

— Как хорошо,—заливались они,—что молодые и талантливые вожди имеют возможность говорить со всей страной. Да здравствует наука и техника!

При этом Икс так размахался руками, что задел занавеску. Занавеска откинулась. Шварц увидел незнакомую улицу.

— Куда же мы едем?—забеспокоился он.—Это кажется не та дорога.

— Что вы, что вы,—успокоили его друзья, быстро задергивая занавеску,—нас везет лучший шофер Берлина. Он везет кратчайшим путем.

Автомобиль уже выезжал из города, как раз в противоположную от радиостанции сторону. Вдруг путь ему пересек длинный товарный поезд. Автомобиль должен был остановиться и ждать, пока он не пройдет. Поезд шел медленно. Шварц опять немного заволновался.

— Ничего, ничего,—постарались успокоить его друзья,—видите ли, тут ремонт мостовой и... скопилось много экипажей. Мы успеем.

Тут друзья, взглянув на часы, увидели, что Шварц все равно опоздал на станцию, а чтоб добраться отсюда до станции, надо еще не менее получаса. Церемониться с Шварцом им уже порядком надоело. И у Икса, Игрека и Зета в руках появились незаряженные револьверы. Шварц тихонько ахнул и осел. Тем временем на радиостанции происходила такая сцена: коммунист Карл Шульц явился на станцию и представился:

— Редактор „Форвертса“ Вольфганг Шварц.

Герр Шварц говорит

Шульц прошел в студию. Положил на пюпитр перед микрофоном конспект лекции. Контролер радиостанции заглянул в конспект и прочел:

„Проблема обеспечения мира постройкой броненосцев“

В это время в разных комнатах радиостанции зазвонили телефоны и звонили чуть не у всех дверей. Все это было заранее подстроено. Контролер подумал: „Зачем я буду контролировать такого уважаемого человека, как редактор „Форвертса“,—и ушел в другую комнату, где звонил по какому-то пустяковому вопросу телефон.

Едва он успел уйти, как Шульц быстро перевернул бумажку с лекцией. На другой стороне было написано:

„Только пролетарская революция обеспечит мир всему миру“

И Шульц стал читать по радио лекцию против постройки броненосца. А радиостанции Кенигсвустергаузена, Гамбурга, Бреслау и Глейвица разнесли его слова по всей Германии. В шикарных салонах застыли перед золочеными рупорами громкоговорителей в недоумении накрахмаленные герры и бриллиантами обвешанные фрау. Как странно говорит сегодня редактор „Форвертса“. На окраинах городов, под дымным фабричным небом, рабочие, догадываясь о какой-то проделке, восторженно слушали слова, громящие социал-демократов. А социал-демократы смущенно потели перед громкоговорителями, терли лбы и ровно ничего не понимали.

Шульц кончил лекцию и сказал:

— Лекция окончена. С вами говорил не редактор „Форвертса“ Шварц, а депутат ландтага коммунист Шульц. Завтра вы узнаете, как это все произошло. До свидания, товарищи!

Вся Германия хохотала на другой день над одураченными социал-демократами. Хохотали в учреждениях, на фабриках, на улицах. Смеялись кондуктора трамваев и автобусов. Смеялись мальчишки-газетчики, продавая газеты. Смеялись школьники, шепчась об этом на уроках. Хохотал весь мир.

Полиция тщетно пыталась найти „преступников“. Икс, Игрек и Зет как сквозь землю провалились. Так до сих пор полиция и не знает имен людей, захвативших эфир. А социал-демократы краснеют, когда видят в тетрадках своих детей задачку с тремя неизвестными.

МАСТЕР У СЕБЯ ДОМА

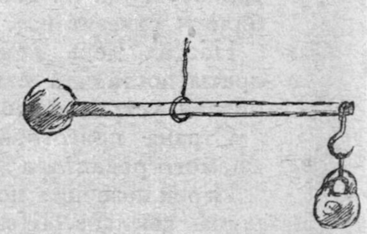
УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ ТРУБА

Обыкновенно, когда вы ставите самовар и подымаете трубу, чтобы подложить углей, то дым валом валит из самовара в комнаты.

Чтобы этого не было, сделайте следующее: возьмите трубу и вырубите в ней отверстие 6 *см* в ширину и 10 *см* в вышину. Кроме вырезанного, подрежьте в ширину еще по 1 *см*. в обе стороны. Получившиеся поля плотнее загните к трубе, потом обратно, только половину поля (0,5 *см*), но не плотно, как это делали к трубе, а оставьте желобки. Потом возьмите лист железа 13 × 7 *см*, с узкого конца согните его на 2 *см* сперва в одну сторону, потом на 1 *см* обратно (под углом 90°). Получившуюся задвижку сделайте овальной, вставьте ее в желобки, и труба готова. Подкладывая угли—не снимайте трубы, а подымите задвижку.

БЕЗМЕН

Нужно другой раз свешать кило муки, сена по норме корове дать, а весов-то и нет.

Возьмите крепкую круглую палку, длина которой равна 50 или 60 *см*. На один конец насадите какое-нибудь увесистое тело (литой шар, телеграфный изолятор или еще что-нибудь в этом роде), с другого конца укрепите крючок, а на палку наденьте свободно ходящее по ней кольцо, за кольцо привяжите ремешок. Когда это сделаете, постарайтесь найти разновес безмена. Возьмите любую гирю, повесьте ее на крючок и, держа на весу (за ремешок) безмен, ищите кольцом в каком месте будет равностояние. Найдете—сделайте маленькую зарубочку и отметьте вес гири.

Потом возьмите вторую гирю и дальше по желаемому для вас разновесу.

Вот и все!

ИГЛА ДЛЯ ПРИМУСА

Возьмите полоску жести сантиметров девяти в длину. С одного конца ширина ее будет в 1 *см* с другого—0,5 *см*. Потом обрежьте кусочек балалаечной струны в 1,5 *см* длиной. Тщательно закрепите ее в узкий конец полоски жести (заверните в полоску иглу и по узлу ударьте молотком). Оставшийся наружи конец тщательно отточите, чтобы не было заусениц. В таком виде игла может пойти в дело.

САМ СЕБЕ ФАБРИКА „СКОРОХОД"

В пять раз дешевле можете сделать гуталин по этому вот рецепту.

Возьмите воску 2 весовых части, душистого скипидару (русского или французского) 1 часть, парафину 1 часть, негрозину (черная краска) $^1/_{10}$ части.

Парафин и воск растопите вместе в банке из-под консервов. Скипидар и негрозин смешайте вместеи влейте в горячий воск, снятый с огня (скипдар легко воспламеняется). Обувь этим гуталином мажется щеточкой и чистится как всегда.

КРАСИМ ПОД ОРЕХ

У каждого дома есть скамейка, табурет, стол — стоят они у вас некрашенные, словно ошпаренные. Чтобы исправить это—окрасьте их. Вот по этому рецепту приготовьте краску:

1) Под орех. На $^1/_2$ литра воды возьмите 20*гр* сухой краски („касельской") и вскипятите. В этот раствор можно прибавить уксусу. Красьте, пока состав горячий.

2) Под старый дуб. На $^1/_2$ литра воды берите 20 *гр* поташа, 20 *гр* сухих красок „сиенской земли", 20 *гр* сухих красок „сепии". Смесь кипятите минут 20—30 и употребляйте горячей.

3) Под цвет черного дерева. Для этого возьмите 200 *гр* ржавого железа, все это залейте $^1/_2$ литра уксуса и оставьте стоять 4—5 дней. Затем жидкость процедите через полотно и только процеженной покрывайте дерево; не давая просохнуть, покройте раствором ореховой морилки (100 *гр* морилки кладут на $^3/_4$ бут. кипятку). Когда выкрашенный предмет высохнет, его полируют мелко толченым углем, смешанным до густоты сливок с вареным льняным маслом Но прежде чем окрасить, вымойте дерево теплой мыльной водой и просушите. Красьте широкой кистью, стараясьне оставлять надереве подтеков. Окрашенное можно чистить и полировать восковой мастикой.

Если нужно будет выкрасить второй раз, то красьте не раньшесуток после первой покраски.

САМОДЕЛЬНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

А. ГОЛОВИНСКИЙ

(Окончание)[1]

3. Колеса. Рис. 7. Колеса сделать из полудюймовых досок и с обеих сторон обить фанерой. Чтоб в центре колесо было шире (вместо ступицы), прибить с обеих сторон накладки из доски толщиною в 2 *см*, квадратные или круглые, диаметром в 13 *см*.

Диаметр передних колес—45 *см*. Правое из них—*ведущее*—закреплено проволочной скобой к колену кривошипа, а левое — холостое — свободно вращается на валу.

Задние колеса меньше передних и оба холостые. Диаметр их—30 *см*.

На листе фанеры циркулем из проволоки начертить круг (буква *б*, снизу в центре вставить гвоздь. Нарезать из полдюймовой доски планок, как показано буквой *в*.

Если толщина всех планок одинаковая — строгать их не надо. В средней планке проделать шилом дыру и надеть ее на гвоздь. С боков плотно положить остальные планки, чтоб они закрыли начерченный круг. Сверху досок на тот же гвоздь надеть второй лист фанеры с начерченным кругом и густо сбить гвоздями в один ряд, как показано буквой *г*. После этого зажать в тиски и отпилить выкружной пилой. В центре гвоздь вытащить и просверлить дыру (буква *д*) пятиосминным центуром сверлом (размеры центровых сверл пока измеряются *дюймами*).

Для накладок взять доску толщиной в $2^1/_2$ *см* и шириной 14 *см*. Хорошенько обстрогать и выпилить выкружной пилой две накладки *е*, *ж*. Первую диаметром в 13 *см* с такими же закругленными сторонами, но в полтора раза длиннее. В каждой просверлить дыры диаметром $^5/_8$ дюйма, как показано на рисунке.

Прибивать планки так: взять круглый железный стержень диам $^5/_8$ дюйма или хорошо и правильно обстроганный деревянный колышек такого же диаметра, надеть на него накладку *ж*, затем колесо *д* и сверху накладку *е*. Проверить, чтоб стержень стоял совершенно перпендикулярно по отношению плоскости колеса, и сбить двумя-тремя гвоздями. Стержень вытащить.

Из кровельного железа вырезать квадратную пластинку *з*, размером каждой стороны 8 *см*, с маленькой дырочкой сбоку, и вторую такую же пластинку *и* с четырьмя дырочками по углам. Пластинку *з* маленьким гвоздем прибить к накладке *ж*. Положить колесо плашмя на доску и на накладку *е* наложить пластинку *и* и четырьмя большими гвоздями насквозь сбить все колесо. Концы гвоздей загнуть. После этого в обеих пластинках бородком пробить дыры, как можно шире, чтобы заусеницы крепко прилегли к сторонам отверстия.

Для втулки отрезать от кровельного железа пластинку *к* длиной 7 *см*, шир. $5^1/_2$ *см* и на полдюймовом железном прутке согнуть в трубочку, как показано буквой *л*.

Втулку вставить в колесо и выдающиеся края ее загнуть в наружные стороны осторожными ударами легкого молотка, как показано буквой *м*. Чтобы закрепить втулку, надо в стенке его пробить пробойцем дыру, вставить короткий толстый гвоздь с большой шляпкой (толевый), наставить на шляпку бородок и забить, как показано буквой *н*. Чтобы разгладить втулку внутри и сравнять шляпку гвоздя, надо с той и другой стороны, насколько возможно, забить и выбить пробоец (бородок). Если колесо не совсем свободно будет вращаться на оси, надо во втулку продеть круглый полдюймовый прут и постепенно, поворачивая колесо, ударять молотком по пруту, как показано буквой *о*.

Шину сделать из железного обруча. Распластать обруч (железо будет немного горбатое—это ничего), начертить на колесе маленькую стрелку (см. буква *н*), наставить стрелкой на железную полосу, отступя от края, и покатить колесо вперед, пока маленькая стрелка опять станет на железе. Отступя за стрелку на $^1/_2$ *см* вперед, отметить черту для дырочки, а отступя еще на 1 *см*, отрубить. По краям, где останавливалась стрелка и посредине на расстоянии 18—20 *см* друг от друга, пробить пробойцем или просверлить дрелью дырочки не более 4 миллиметров диаметром.

В крайние дырочки вставить гвоздь и оба конца шины, наложив один на другой, прибить к колесу (буква *р*).

Натягивать шину надо с помощью особого крючка, состоящего из железного пальца и крепкой деревянной планки—дубовой или березовой (буква *р*). В моменты нажима на крючок надо ударять молотком по всей окружности, уже одевшейся на колесо шины, чтобы она лучше вытягивалась и плотней прилегала. От этих ударов шина сама будет надеваться в том месте, где нажимаем крючком и только, чтоб глубже наделась, надо два-три раза ударить молотком по ребру. Когда шина будет натянута, в имеющиеся отверстия забить гвозди, чтоб она не соскакивала.

Теперь надо просверлить в колесе две дырочки диаметром в 4—5 миллиметров. Эти дырочки показаны стрелкой на рис. под буквой *н*. Колесо надеть на коленчатый вал и скобой *с* из толстой проволоки (от дужки старого ведра) высотой в 8 *см* закрепить к колену кривошипа, как показано буквой *т*.

Остальные колеса делаются так же, только вместо накладки *ж* везде надо ставить накладку *е*.

Надевая колеса на место, везде надо поставить железные шайбы *ф* с полдюймовым отверстием на задние колеса с обеих сторон, а на передних — с внутренней стороны. Если на осях будут оставаться просветы, то, чтоб колеса не хлябали, надо обязательно поставить дополнительные шайбы из фанеры. Чтоб не свалились задние колеса, вставить чеку *х* и конец ее загнуть.

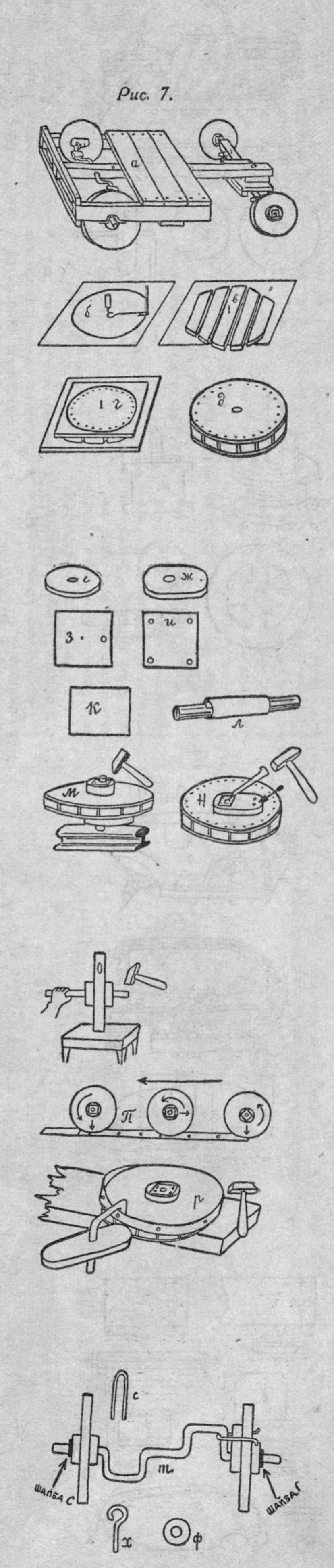
Буквой *а* все колеса показаны надетыми.

Смазывать пока не надо.

4. *Рулевое устройство. Рис. 8.* Рулевое устройство состоит из железного стержня, верхнего рулевого колеса, нижнего шкива и рулевой тяги (веревки), которая идет от шкива и привязывается за петли задней оси.

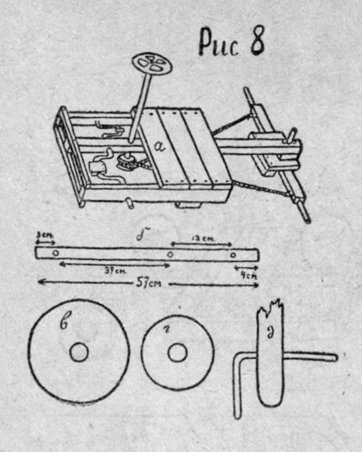
Рулевой стержень из круглого полдюймового железа длиною в 57 *см*, с тремя 4-миллиметровыми дырочками. Первая для рулевого колеса на расстоянии 3 *см* от края, вторая на расстоянии 37 *см* от первой и третья на расстоянии 13 *см* от второй (буква *б*).

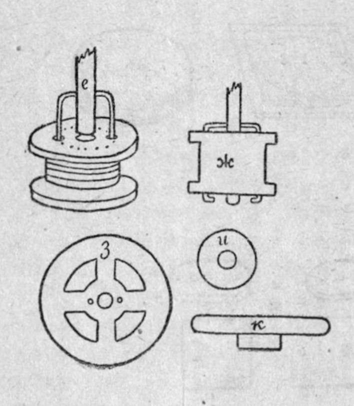
Рис. 7.

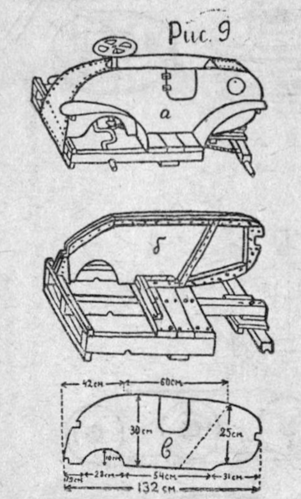

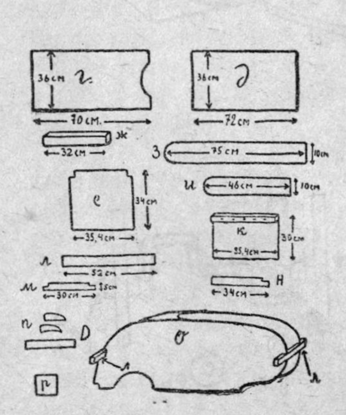
---

[1] См. „Пионер“ №№ 22 и 23.

Для рулевого шкива вырезать лобзиком из фанеры толщиною в 4 *мм* два кружка *в* диаметром 7 *см* и пять кружков *г* диаметром 5 *см* с отверстием в середине, диаметром в $^1/_2$ дюйма. Отверстия просверлить коловоротом, в каждом кружке отдельно. Кружки нанизать на круглый полдюймовый железный пруток или деревянный колышек, как делали это прикрепляя накладки к колесу, в таком порядке: кружок *в*, потом все кружки *г*, сверху опять кружок *в* и крепко сбить гвоздями. Колышек выбить и по бокам большого отверстия просверлить две дырочки диаметром 4—5 *мм* для проволочной скобки. Дырочки эти показаны на рис. под буквой *е*. Шкив на стержне закрепляется так: из толстой проволоки, диаметром в 4 *мм*, длиною в 14 *см*, согнуть крючок в виде печатной буквы *г* высотою ножки в 5 *см* и продеть ее в отверстие стержня (буква *д*). Потом загнуть вторую ножку с таким расчетом, чтобы ширина спины проволочной скобки равнялась расстоянию между дырочками в шкиве (буква *е*). Шкив наладить так, чтобы в среднее большое отверстие вошел стержень, а в маленькие—ножки проволочной скобы (буква *е*). Концы проволоки загнуть (буква *ж*). Прикрепив шкив, вставить стержень снизу в рулевое отверстие рамы, а чтоб он не опускался, вставить в среднее отверстие шпильку, подложив под нее шайбу.

Для рулевого колеса взять фанеру получше и поплотней, толщиною в 4 *мм*. Лобзиком выпилить три колеса по форме *з* диаметром 23 *см* и четыре кружка *и* диаметром 8 *см* с полдюймовой дырой посредине. Три колеса *з* сложить одно на другое так, чтобы направление волокон среднего приходилось поперек волокон верхнего и нижнего, и густо сбить маленькими гвоздочками (не мешает проклеить). Затем надеть на полдюймовый железный пруток, снизу нанизать кружки *и* и крепко сбить гвоздями (буква *к*). Ножом или рашпилем округлить углы и хорошенько вычистить песчанкой. Закреплять на стержне так же, как шкив. Наглухо колесо прикрепляется к рулевому стержню только после окончательной сборки всего автомобиля.

Рулевая тяга—веревка толщиною в палец или полтора, длиною в 160 *см*—два раза обматывается вокруг шкива и накрест привязывается к петлям задней оси. Натягивать надо туго, а перед этим веревку и шкив натереть смолой и посыпать мелко истолченной канифолью или мелом, чтоб не было скольжения (буква *а*). Механизм готов. Можно садиться и пробовать ехать.

5. *Кузов*. Рис. 9. Части кузова: боковины *в*, переднюю покрышку *г*, заднюю покрышку *д*, сиденье *к*, спинку сиденья *е* и крылья *з*, *и* сделать из фанеры по размерам, указанным на рисунках. Бруски, планки *ж*, *л*, *м*, *н* и накладки *п* для утолщения бортов сделать из досок произвольной толщины. Дверцы можно делать только в том случае, когда боковины *в* из фанеры толщиною в 1 *см*. А так как такая фанера очень дорога, то дверцы лучше не делать.

Сиденье не должно быть выше 5 *см* от настила рамы, а близость спинки сиденья определяется по росту седока.

Сборка кузова производится так: к боковине *в* с внутренней стороны прибить планки *м*, *н* для сиденья и стенки и планки *п* для утолщения бортов, как показано на рисунке под буквой *б*. С наружной стороны боковин прибить упоры *п* для крыльев (буква *о*).

Обе боковины поставить на ребро и прибить спинку сиденья и планки *л* для поддержания крыльев. После этого прибить сначала заднюю покрышку *д*, начиная прибивать от стенки сиденья, а потом переднюю.

Переднюю покрышку начинать прибивать с носа, оставив впереди напуск в виде козырька, который потом прибьется к поперечным передним планкам рамы.

По рисункам *а*, *б* без особого описания видно, как прикрепить кузов к раме.

Крышка сиденья *к* не прибивается. Она свободно накладывается так, чтобы брусок, прибитый к одной ее стороне, попадал бы в прорез, показанный на рис. под буквой *б*. Под сиденье кладется запасной инструмент.

Когда кузов прикреплен, надо прибить крылья одним концом к доскам настила, а другим к выдающимся концам брусков *л*.

Места настила рамы, служащие подножкой, покрыть жестью с напуском сбоку, чтоб закрыть торцы верхних досок настила.

Размер жестяной покрышки определить по месту.

6. *Окраска*. Перед окраской хорошенько прочистить все части стеклянной бумагой № 3.

Истершиеся куски бумаги не выбрасывать.

Внутренность кузова покрасить (для экономии) темной морилкой. Купить на 5 коп. морилки, развести в бутылке горячей воды и красить как обыкновенной краской.

Раму, колеса, подножки и крылья покрасить черной масляной краской.

Краску составить так:

Готовой тертой сажи	2 части
Олифы	3 »
Скипидару	2 »

Дать хорошенько просохнуть, прочистить старой истершейся стеклянной бумагой и прокрасить второй раз, хорошенько растирая.

Наружную часть кузова покрасить эмалевой краской любого цвета.

Первый раз красить, разведя краску пополам с бензином, а когда высохнет, слегка прочистить истершейся стеклянной бумагой и прокрасить второй раз уже неразведенной краской.

7. *Сборка и смазка*. Генеральная смазка производится одновременно с окончательной сборкой, после того, как все части выкрашены и высохли. Краска не пристает и не высыхает на тех местах, куда попало машинное масло. А когда краска высохнет, машинное масло для нее уже не страшно.

Все трущиеся части смазать тавотом или машинным маслом. Крепко прибить накладки подшипников, вставить чеки, вставить везде шайбы, закрепить окончательно рулевое колесо и натянуть веревку рулевой тяги.

8. В ящике под крышкой сиденья должен быть всегда запасной ремонтный инструмент: клещи, молоток, самодельный нож, сухая тряпка, кусок веревки и несколько разных гвоздей.

Теперь можно садиться и, поочередно нажимая ногами на педали, дать машине ход. Спиной упереться в спинку сиденья, руки держать на руле. Руль не дергать и не крутить, а держать твердо в одном направлении. Когда нужен поворот, тогда постепенно, а не сразу, поворачивать и руль. На поворотах ход автомобиля замедлять.

После каждой поездки осматривать и вытирать все части.

Время от времени подтягивать рулевую веревку.

Перед каждой дальней поездкой—смазывать.

Декабрь 1928

№ 18

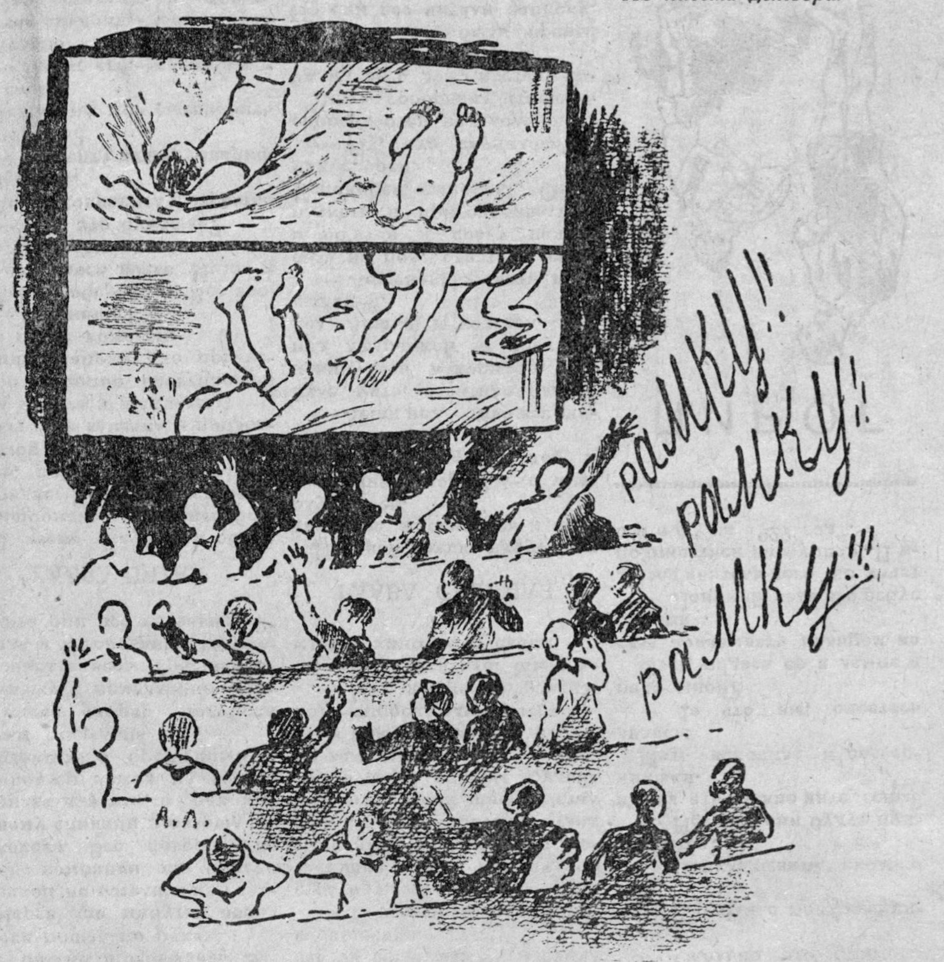

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Загадочная кино — картинка

В пионерских клубах показывать фильмы не умеют или не хотят хорошо показывать. То очень медленно, то очень быстро, а иногда разрежут на две половинки и не знаешь, которую смотреть—верхнюю или нижнюю.

Из письма детвора.

Таинственное убийство—четыре половины одного человека или как научиться прыгать в воду; тяжелая научная кино-драма

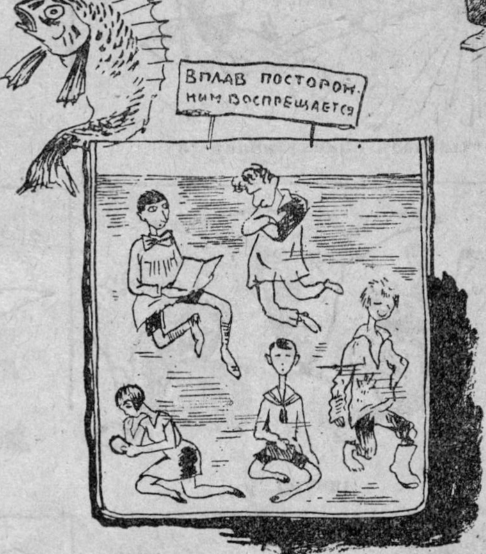
ЕРШИНЫЙ АКВАРИУМ

Дорогие читатели! Довожу до всеобщего сведения, что мною открыт аквариум, в котором будут содержаться все, кого я поймаю на свои колючки.

В ЭТОМ НОМЕРЕ АКВАРИУМ № 1:

1. Отрядный поэт с галстуком.
2. Школьный поэт без галстука.
3. Франтиха с пудрой.
4. Маменькин сынок.
5. Неряха.

Дорогие товарищи! Посоветуйте, чем их кормить. Давал им лучших червяков—не едят. Поэтов кормил их собственными стихами—отравились. Еле спасли. Как быть?

ТАИНСТВЕННАЯ ЗАПИСКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Леша выходил из дому очень рано, но в школу никогда во-время не попадал. Постоянно его задерживали на дороге удивительные обстоятельства и странные приключения.

Спасаясь от них, он уходил с прямых улиц в крючковатые переулки, крутился по глухим задворкам, но приключения находили его везде. Они летели к нему, как волшебные гривенники к ловкому фокуснику.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В это утро 14 декабря 1928 года Леша деловито шел по Кривоколенному переулку и волочил ранец за один ремень, потому что второй уже порвался. Вдруг маленький бумажный пропеллер медленно покружился в воздухе и упал на панель.

Лешка поднял глаза. Он проходил как раз мимо большого трестовского дома. Кому в таком серьезном учреждении вздумалось забавляться бумажными пропеллерами? Лешка сунул пропеллер в карман и прибавил шагу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Что это ты вертишь?

Боб Бобкинс перегнулся через парту и взял у Лешки пропеллер.

— Тут какая-то надпись,— сказал Лешка,—на египетском языке.

Боб внимательно рассмотрел надпись и нахмурился.

— Получай свою записку и отвейся!—кратко заявил он изумленному приятелю.— Больше мы с тобой не товарищи,—и сам оскорбительно отвернулся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

На большой перемене все заметили, что неразлучные Боб и Лешка наконец-то поссорились. Сейчас же конкурирующий Боря Чернушкин позвал Лешку в свою компанию.

Они сыграли в осаду крепости. После успешного штурма Боря спросил нового друга:

— Что у вас с Бобкой вышло?

Леша обрадовался и рассказал свое утреннее приключение с бумажкой. Наверное тот олух Бобкинс не сумел разобрать египетскую надпись и обиделся.

Все страшно заинтересовались и стали просишь Лешку:

— Покажи записку!

Лешка показал... И лучше бы он не показывал! Записка пошла по рукам.

Через две минуты перед Лешкой не осталось из большой компании ни одного человека. Все повернулись к нему спинами и разошлись один за другим, а роковой пропеллер лежал на земле, презрительно брошенный к ногам владельца.

Лешка скорее подобрал бумажку и немедленно ушел из школы весь красный от стыда и негодования. Неужели это они все из зависти?

ГЛАВА ПЯТАЯ

В звене все шло в обычном порядке или вернее беспорядке. Несчастье свершилось, когда Леша потащил платок из кармана... Но он ничего не заметил и продолжал играть в шахматы.

Во внезапно наступившей тишине напряженно прозвенел голос вожатой:

— Внимание!

Лешка обернулся. Все звено собралось возле Нины и все смотрели на него.

— Чья это бумажка?

Леша покраснел и страшно испугался.

— Значит ваша, товарищ Сапожков?

Лешка не мог выговорить ни слова.

— Видно его,—сказала решительно Нина.—В таком случае товарища Сапожкова нельзя оставлять в отряде. Впредь до выяснения предлагаю ему покинуть сбор. Получите записку!

Потрясенный Сапожков молча взял бумажный пропеллер и, спотыкаясь, ушел по скрипучей и скучной лестнице.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

„Куда пойти?.. Что делать?“

Товарищ Сапожков, вздыхая, вошел в кино „Волшебные чары“.

Вместо рубля он по рассеянности вынул из кармана все ту же бумажку и сунул в окошечко.

— С запиской к администратору,—сказала кассирша.

Лешка уже ничему не удивлялся. Он покорно пошел к администратору, отдал ему египетский шифр и стал ждать своей судьбы. Судьба не замедлила.

— Вам надо деньги обратно?—спросил администратор.

— Нет, я еще не платил.

— И не платите. Мы таких в кино не пускаем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поздней ночью вдруг вся квартира проснулась и прислушалась.

— Никак воры? — спросонья проговорил отец и включил свет.

— Леши нет,—тихо вскрикнула мать, схватила платок и кинулась в коридор. Там под лампочкой на полу сидел Лешка и хохотал, как шальной.

— Лешенька!..—мать присела на пол, схватила сына в об'ятья и сразу начала плакать и приговаривать:—Успокойся, сыночек!.. Отец, иди скорей.

— Ну, что случилось?—спросил отец недовольно.

Лешка сообразил, что перебудил весь дом, и стал поспешно оправдываться:

— Они все были правы! Но они все читали записку. Они думали, что я сам ее составил, а я ведь в шифрах—швах!

— Ничего не понимаю!

Тогда Лешка перестал смеяться и сказал:

— Сегодня меня выставили из компании, из отряда и даже из кино.

— Он сошел с ума!—заливалась мать, но отец думал иначе.

— Покажи записку.

Он минуту смотрел на рисунки и... тоже стал смеяться.

— А разве ты не хочешь?

— Конечно хочу!

— Сколько это стоит на весь год?

— 2 рубля с приложениями.

— Поикладывать сколько придется?

— Нет, это они будут прикладывать всякие интересные книжки.

Мать вскочила и рассердилась:

— Да что вы, смеетесь надо мной?

Отец подвел ее к лампе и стал показывать пальцем на рисунки.

— Понимай: ведь это ребус „Пред'явитель сего не хочет подписаться на журнал „Пионер“ на 1929 год“.

ПИРОГ

Какой-то парнишка в уголке в буфете подавился громадным куском пирога. Подошел приятель.

— Что, слишком много пирога дали?

— Эх, пирога-то в самый раз, да вот МЕНЯ нехватает.

КУЗЬКИНА ОХОТА

(Продолжение)

1. Пожалуйте на воздух.

2. Нанизывай!

3. Теперь домой.

4. Волки!

5. Под шляпу...

6. Неприступная крепость.

7. Ага, осада!

8. Раз, два...

Кузька прогулялся по страницам нескольких номеров журнала „Пионер", внимательно рассмотрел его и решил, что жить без журнала нельзя. С тех пор и путешествует Кузька по страницам „Пионера".

Но Кузька—человек общественный, а так как он знает, что без журнала „Пионер" жить нельзя, то он решил спасти всех школьников и пионеров.

Через пять минут был готов самый замечательный автомат.

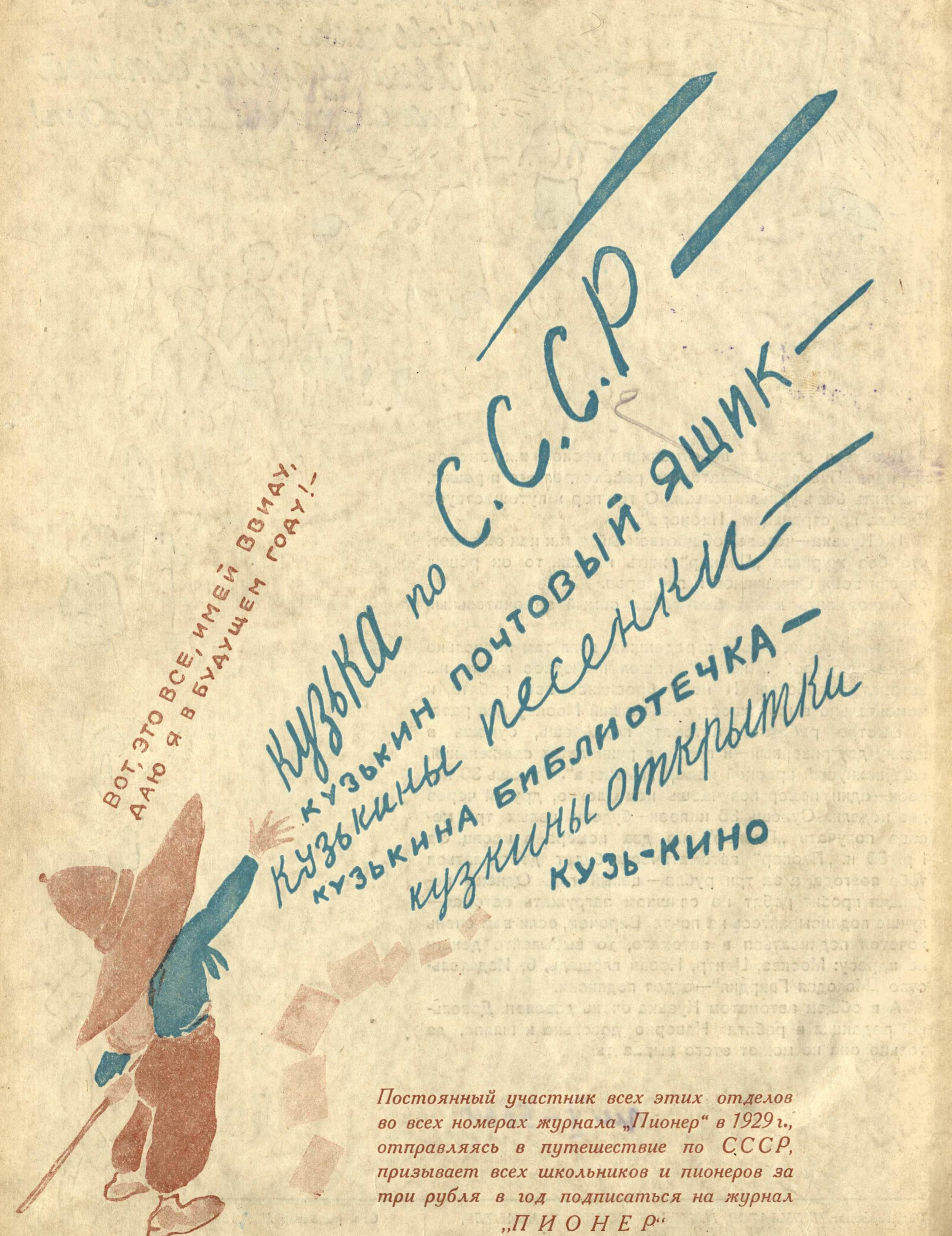
Тогда Кузька зашел в редакцию, взял там несколько тысяч журналов „Пионер", пошел в людное место и... автомат заработал. К нему бросились все ребята, и моментально вырос хвост, опоясавший Москву два раза.

Быстро работает автомат: подойдешь, сунешь в щелку двугривенный—и прямо в руки летит свеженький, еще пахнущий краской номер „Пионера". Сунешь 30 копеек—один номер получаешь немедленно, другой через две недели. Сунешь 85 копеек—будешь целых три месяца получать „Пионер", по два номера в месяц. За 1 р. 60 к. „Пионер" автоматически будет доставляться тебе полгода, а за три рубля—целый год. Однако редакция просит ребят не слишком загружать автомат—лучше подписывайтесь на почте. Впрочем, если вам очень хочется подписаться в автомате, то высылайте деньги по адресу: Москва, Центр, Новая площадь, 6, Издательство „Молодая Гвардия"—отдел подписки.

А в общем автоматом Кузька очень доволен. Довольна редакция и ребята. Наверно довольна и шляпа, да только она не может этого выразить.

Редколлегия: *Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, М. ЭПШТЕЙН.* **Отв. редактор** *И. РАЗИН.*

Москва, Главлит А 28 101. Изд. № 3100. „Мосполиграф" 16-я типография, Трехпрудный, 9. 20.000

Постоянный участник всех этих отделов во всех номерах журнала „Пионер“ в 1929 г., отправляясь в путешествие по СССР, призывает всех школьников и пионеров за три рубля в год подписаться на журнал „ПИОНЕР“